

**РИЧАРД О.
ФРИМЕН**

ТЕНЬ ВОЛКА

Загадки доктора Торндайка

Ричард Фримен

Тень волка

«Остеон-Групп»

1925

Фримен Р. О.

Тень волка / Р. О. Фримен — «Остеон-Групп» , 1925 — (Загадки доктора Торндайка)

ISBN 978-5-85-689-195-7

Когда мы шли мимо кладбища, холодный северный ветер задул резко и порывисто, и обнаженные ветви вязов пронзительно застонали над нашими головами... Захватывающая история о том, как в мирном сонном американском городишке поселился богатый француз-аристократ, бежавший от якобинцев (дело происходит во времена Наполеона). Неожиданно по городу проносится серия кошмарных убийств. И наконец-то у жителей городка начинает созревать понимание того, что среди них поселилось настоящее чудовище в человеческом облике...

ISBN 978-5-85-689-195-7

© Фримен Р. О., 1925
© «Остеон-Групп» , 1925

Содержание

Глава I. На холме повешенных	5
Глава II. Кузина Фелиция	11
Глава III. Волк! Волк!	16
Глава IV. Люби мою собаку, люби меня	22
Глава V. Исчезнувший зеленый редингот	28
Глава VI. Тень старого Пита	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Остин Фримен

Тень волка

Глава I. На холме повешенных

– Роберт, – сказал мой дядя Баркли, – пойди и посмотри, не видно ли сигналов с пакетбота.

Я неохотно слез со своего высокого табурета.

Дело в том, что я корпел в конторе моего дяди над грессбухом, когда приходскому священнику и эсквайру Киллиану случилось заглянуть к нам.

Я был рад оказаться в их компании, потому что их беседа, начавшись с разговора о политике, непременно перешла бы в яростный, имевший непредсказуемый финал, спор между двумя этими мужами, доставив мне явное удовольствие и Освободив на время от скучных и монотонных бухгалтерских бдений.

Когда я вернулся в дом, дядя и гости, восседая на стульях перед пышущей жаром печью Франклина – прекрасным средством от холода осеннего утра, задержавшегося в стенах низкой уютной комнаты – окутанные клубами табачного дыма, стойко выносили это пекло. Очевидно, это было любимое занятие пастора, увлекающегося колдовством и близкими ему по духу суевериями, такими, например, как очищающий огонь.

– Но, мой дорогой Сэквил. – запротестовал эсквайр, и его голос прозвучал пронзительно и раздраженно, а худая рука сделала выпад вперед, словно он намеревался пронзить священника тонким черенком трубки, как бы продолжающей его кисть, – вы говорите так, как будто действительно верите во все эти сомнительные фокусы.

– Я читал у одного известного автора, что даже сам царь Соломон однажды посетил колдуна Эндора, – невозмутимо ответил пастор Сэквил. – И в той же книге начертан священный завет: «Нет покоя, пока в мире существует колдовство».

– Да, об этом сказано в Библии, но сказано две тысячи лет назад. Вы же уверяете нас с таким пылом, словно уверены, что несчастная старушка, которую повесили в этом городке сто двадцать лет назад, действительно была колдуньей.

– Вы хотите сказать, что по обвинению в умышленном убийстве был казнен невиновный человек, а подлинных убийц как бы и не существует. не так ли? – парировал пастор.

– Нет, конечно. Ибо мы имеем дело с убийством совершенным, установленным и доказанным в течение нескольких дней.

– Те же самые обвинения немногим более ста лет назад могли быть предъявлены и колдовским силам тьмы.

– Век назад – да, пожалуй. Но не сегодня же.

– Мой дорогой Киллиан, если убийство такого рода – сложное искусство, достигаемое только годами напряженного труда; если на протяжении пяти веков вся мощь церкви и государства была направлена на искоренение этого искусства; если каждая колдовская книга и каждая личность, заподозренная в обладании секретами черной магии, предавались сожжению, то какие доказательства существования колдовства в этом мире мы можем иметь сегодня? – колкостью на колкость ответил мистер Сэквил.

Худые щеки адвоката нетерпеливо надулись, готовые выдохнуть ответ, но вдруг он изменил свое первоначальное намерение и рассмеялся.

– Многие познания делаю его сумасшедшим, а, Баркли? – обратился он к моему дяде, чье природное равнодушие к спорам и дискуссиям, которые он находил бесполезными, лишь

усилило его интерес к моему сообщению о прибытии пакетбота из Нью-Йорка. – Как вы отважились высказать столь абсурдные идеи вашему сеньору Вердену, Доминик?

– При условии, что сеньор не использует их в своих проповедях... – продолжительный хохот моего дяди прозвучал куда более пренебрежительно, чем обычно, и оборвался столь же резко.

– Что с пакетботом, Роберт?

– С пакетбота просигналили десять минут назад, сэр.

– Тогда будьте добры спуститься на пристань и, если можете, возьмите на себя обязанности встретить и устроить мосье де Сен-Лаупа, если, конечно, он того пожелает. Я не думаю, что он несведущ в нашем языке, но ему может быть приятно иметь собеседником человека, говорящего по-французски.

Поскольку незадолго до смерти моего отца я почти месяц прожил в Париже, и только разорение моего родителя заставило меня прервать путешествие и с благодарностью ухватиться за то место, которое дядя предложил мне в своей конторе, дядя Баркли полагал, что я свободно владею французским. Для уточнения своей роли в этом деле я поинтересовался, как я должен поступить, если этот чужестранец окажется одним из тех кичливых и напыщенных аристократов, многочисленные вереницы которых прошли перед нашими глазами со времени падения Бастилии и позднейших беспорядков, сделавших их собственную страну небезопасной для этих людей. Дядя до некоторой степени успокоил меня, сообщив о письме, полученном им из Нью-Йорка от своих банкиров неделю назад с торговым судном и знакомящим нас с бывшим графом де Сен-Лаупом. В письме о графе говорилось не только как о человеке с превосходной репутацией, но также как и о благовоспитанном джентльмене, который, вне всякого сомнения, мог бы стать прекрасным украшением любого общества. У графа есть желание, добавляли они, приобрести дом в одном из таких уединенных городков, как наш, пока обстоятельства не станут благоприятными для его возвращения во Францию.

И через две минуты после нашей встречи его беглый и непринужденный английский и приятные манеры совершенно рассеяли мои страхи и опасения.

На первый взгляд – видит Бог! – граф поразил меня своей обыденной простотой: он обладал приятной для своего среднего роста полнотой; смуглый, как испанец, он излучал сияние здоровья, а пунцовые круглые щеки лучше всяких слов говорили о его богатом и роскошном столе; его лоб был необыкновенно гладким для производящего впечатление перешагнувшего сорокалетний рубеж ммужчины. Под бровями, чьи тонкие дуги, казалось, никогда не были искривлены хмурой гримасой, блистали особенными темно-желтыми огоньками небольшие черные глаза человека, каждодневно ищущего развлечений и удовольствий. Его алые губы были растянуты в неизменной улыбке. Все, что он видел в нашем маленьком, расположенном в верховьях реки, забытом богом и людьми провинциальном городке, оказавшемся на обочине новой экономической жизни, зарождавшейся в Олбани и устремлявшейся на запад, получало его ироническое толкование. Говорил он голосом поразительно сильным и глубоким для такого невысокого и забавного человека. Каждое его замечание предварялось фыркающим, напоминающим веселое рычание, смехом, обнажающим его белые, сверкающие, подобно длинным и чистым клыкам, зубы.

В тот момент, когда я показывал французу его временное жилище, он сделал мне предложение стать его проводником в пешей прогулке по нашему городку. Я начал было говорить ему, что в этих местах трудно встретить что-либо интересное, особенно для такого человека, как он, что я бывал в Париже и знаю, что европейские городки, даже небольшие, куда привлекательнее для любителей путешествий, чем наш. Но он остановил меня своим тихим грудным смехом и поднятой в знак протеста пухлой белой рукой. Я должен понять, сказал мне француз, что он сельский житель, живший до этого в деревенской глуши провинции Оверни, едва ли не лучше знакомый с прелестью небольших европейских городков, чем с великолепием Парижа.

И хотя наша округа была настолько скучна, что оставалась таковой даже в восхитительный солнечный день, настоятельная просьба графа помочь ему в поиске подходящего загородного домика с прилегающим участком земли была, конечно, оправданной, а для меня служила прекрасным поводом бежать от моих скучных бухгалтерских обязанностей. Любопытно, что из всех мест, какие ему до сих пор приходилось видеть в Америке, наше показалось ему наиболее подходящим для выращивания винограда и инжира.

День был действительно одним из лучших в октябре: солнце яркое, но по-осеннему мягкое; теплый, легкий ветерок, наполненный благоуханием согнутых под тяжестью сочных плодов фруктовых деревьев и виноградников, покрывающих склоны окрестных холмов. Белые паруса выделялись яркими пятнами на сверкающей солнечными бликами реке; черепичные крыши нескольких старых голландских домиков, уцелевших во время великого пожара 1785 года, сверкали на фоне осенней пышности кленовых рощ; и вдалеке – фантастические очертания Катскилса, мерцающие сквозь голубую дымку испарений. Во время нашей прогулки я обратил внимание графа на новый маяк, расположенный на оконечности старого мола, хранящего развалины форта, возведенного еще первыми поселенцами; затем я показал гостю канатный, кожевенный и лесопильный заводы, а также церковь Святого Михаила, откуда семнадцать лет назад воинствующие патриоты выволокли привязанного к концу веревки мистера Сэквила, подлинного американца, упорно благословляющего в своих проповедях короля Георга, ибо того требовала клятва, данная им при посвящении в духовный сан.

А пока я показывал город графу де Сен-Лаупу, я, разумеется, показывал городу и его. Женщины и дети, выглядывающие из окон домов, и лавочники, отдающие у дверей своих лавок приказания прислуге – все наблюдали за нашей прогулкой. На узких, крутых улочках нашего городка, где каждый человек и большинство его дел были известны всем в округе, этот чужестранец в своей черной одежде иноземного покроя, с его ослепительными кружевными гофрированными манжетами и напудренными волосами, с его застегнутыми серебрянными пряжками башмаками и простой дорожной шпагой с чернением и инкрустацией серебром был бы замечен даже без той ауры исключительности, которую он, несомненно, распространял вокруг себя, несмотря на его не заставляющую себя ждать приветливость.

Интерес, который он возбуждал у жителей городка, доставлял ему очевидное удовольствие.

Он кивал и улыбался каждому, уставившемуся на него; помахивал рукой в дружелюбном приветствии, если кто-то раскланивался в ответ; и не один раз я слышал глубокий фыркающий смешок француза, когда его заигрывания наталкивались на флегматичность деревенских мужланов.

Вскоре после того как мы повернули обратно по Хай-стрит, он остановился и мягко протянул руку к маленькой уличной замарашке, копошащейся в песке около заборчика, приглашая ее к разговору. Рот замарашки был криво разинут, а тусклые глаза из-под копны бледно-желтых нечесаных волос жадно пожирали графа. Будь я более осторожен, я бы предупредил француза, что это Джин Ван Зайл, дочь городской пьяницы Аджи, чьи злобность и полоумие были позором всей общины. Неожиданно для всех она ударила графа, затем вцепилась в его руку своими грязными мерзкими ногтями и, издав пронзительный вопль, кинулась прочь, в то время как огромная дворняга, ее постоянный спутник и верный товарищ, злобно огрызаясь, припала к земле, словно кто-то неожиданно схватил ее за горло. Я не могу описать звук, который чужестранец при этом издал. На мгновение мне показалось, что голос его звучит по-прежнему. Но сейчас в нем не было прежнего добродушия и веселья. Лицо графа, когда я взглянул на него, налилось густым малиновым цветом, а темно-желтые глаза засверкали, подобно пламени, огненно-красными сполохами. Дворняга, подвывая, вздрагивала и тряслась до тех пор, пока мы не миновали это место.

– Старая крестьянская уловка. – играя шелковистой кисточкой своей легкой трости непринужденно объяснил граф в ответ на мой полный изумления и любопытства взгляд, задержанный на лице француза с вниманием большим, чем приличествовало вежливости. – И ничего более. Все собаки ненавидят меня – за исключением моей собственной.

– У вас есть собака? – удивленно спросил я, так как уже видел его багаж: чемодан и дорожный сундук.

– Она в Нью-Йорке – я оставил это великолепное создание со своим основным багажом. Но я непременно выпишу ее сюда, как только найду здесь для себя подходящее место. Да вот, – внезапно прервал он разговор, остановившись недалеко от ржавых железных ворот, за которыми мелькнул маленький низкий домик, скрытый от любопытных глаз зарослями безжизненного сада, переходящего в дебри богомол и сосен, – вот место, отвечающее потребностям моей души: уединенное, но доступное, неприметное, но господствующее над местностью. Мне нужно именно такое.

Мы поднялись по крутой, напоминающей и улочку маленького городка, и грунтовую сельскую тропинку, дорожке, выходящей к полям и рощам окрестных холмов, в полумиле от подножия которых лежал наш городок. Домик, перед которым мы остановились, оказался последним из числа разбросанных по краю местности строений. Старый скряга Питер Армидж жил в этом домишке. Поэтому я сказал графу де Сен-Лаупу, что ему, вероятно, придется немного подождать, прежде чем он сможет стать владельцем этого дома, поскольку старик пока еще выглядит таким же полным жизненных сил, как и прежде.

– Скряга, вы сказали? – со вниманием спросил меня граф, и затем, довольно пофыркивая, добавил. – Но это упрощает дело. Я привык полностью оплачивать свои фантазии, когда нахожу нужным сделать это.

Я объяснил этому богачу из Нью-Йорка, проявившему несомненный интерес к маленькому невзрачному домику на окраине, что старина Питер отверг все предложения о продаже своего владения. Ходят слухи, сказал я, что старик закопал в саду все свои деньги, а потому никогда не вскапывает землю и слушать не хочет о ее продаже, отказываясь даже от самых заманчивых предложений.

– Я все равно стану владельцем этого дома, – убежденно произнес мой спутник. – Старик не откажет мне.

Мне нечего было сказать в ответ на это непонятное упрямство и потому я постарался переменить тему разговора.

– Вон там, сэр, находится единственная, я полагаю, достопримечательность здешних мест – Холм повешенных. – И я указал на небольшую конусообразную возвышенность в паре сотен ярдов от нас (с вершиной, совершенно лишенной какой бы то ни было растительности), у подножия которой проходила серая полоска дороги, уходящей в черные после вспашки поля.

И к нему тотчас вернулись его прекрасное настроение и неизменный интерес к происходящим вокруг явлениям.

– Итак, даже здесь, на этой земле свободы и изобилия, – улыбаясь, нравоучительно произнес он, – над человеком должен витать призрак смерти, дабы удерживать его от злых поступков.

– О, это были совершенно особые повешенные, – сказал я ему. – В первые годы после освобождения от Англии палачом, сопровождавшим приговоренных в их последнем несчастном пути, всегда был только один человек, и этот человек был колдуном.

– Как, здесь, на этой просвещенной земле, палачом был колдун?! – Его изумление вызвало улыбку на моем лице.

– Более ста лет назад, – объяснил я ему.

– О, сегодня, несомненно, не найдешь ни одного человека, воспринимающего подобные вещи всерьез.

– Всерьез? Нет, ни одного из находящихся в здравом уме, если не считать, быть может, немногих голландцев с отдаленных ферм. Кстати, преподобный Сэквил, настоятель церкви Св. Михаила, о котором я вам рассказывал, когда мы проходили мимо храма, посвятил свой досуг изучению колдовских таинств.

– Служитель церкви балуется черной магией? Вы удивляете меня!

Нотки порицания в его голосе были настолько искренни и проникновенны, что я дважды взглянул на него, чтобы удостовериться, не разыгрывает ли он меня. Интерес пастора к черной магии был чисто историческим, стал уверять я француза, хотя и отдавал себе отчет в том, что настоятель храма, верящий в Бога, в прошлом все же имел отношения с сатаной и его слугами на Земле, в то время как другие люди рядом с ним с Божьей помощью противостояли дьявольским козням.

– Он считает, что этот процесс противостояния дьяволу уже завершен?

– Пастор придерживается и отстаивает положение, что у нас нет оснований считать этот процесс полностью завершенным, – ответил я, думая о споре, свидетелем которого мне пришлось не так давно быть в дядином доме, и который, как я знал по прошлому опыту, будет продолжен в следующий раз, и пастор Сэквил опять будет загнан в угол аргументами адвоката. Но мосье де Сен-Лауп дал мне понять, что потерял всякий интерес к этой теме, которой мы посвятили последние минуты нашего разговора.

– Давайте еще раз взглянем на этот домик. Он мне вполне подходит.

Мы однако и так уже слишком задержались у этого дома, что вряд ли могло понравиться его странному владельцу. Более того, я заметил быстро промелькнувшую над забором хорошо знакомое мне зеленое пальто; затем среди засохших кустов алтея и тесно переплетенных ветвей ивокоста, шиповника и дельфиниуса, сделавших почти непроходимым лабиринт садовых дорожек, показалась сидящая на изрезанной морщинами шее аскетичная голова старого Пита, всматривающегося в нас тусклыми подслеповатыми глазами.

– Убирайтесь отсюда! Какого черта вы явились сюда и торчите на дороге перед моим домом?! – крикнул он хриплым от ярости и беспомощным от старости голосом.

– Это всего лишь Роберт Фарриер, мистер Армидж, – закричал я в ответ.

Несмотря на ненависть и презрение, которые старый Пит обычно демонстрировал ко всем окружавшим его людям, нас с ним связывало нечто вроде дружбы. Однажды зимним днем, когда он, упав на обледенелой дорожке, сломал себе руку, я, тогда еще мальчишка, оказал старику помощь, но он никогда, хотя бы кивком угрюмой головы, так и не выразил мне свою признательность за эту маленькую услугу.

– Я показываю французскому джентльмену наш город, – добавил я, – и он остановился полюбоваться вашими домом и садом. – Но моя попытка добиться таким образом расположения старого Пита к моему спутнику оказалась тщетной.

– Скажите маленькому толстому лягушатнику, чтобы он со своим восхищением убирался в преисподню! – истошно заорал он. – Восхищение приводит к алчности, а алчность есть порок, толкающий к воровству. – И он потряс перед нами старой мотыгой со сломанной ручкой.

– Несчастный старик. Он берет на себя смелость, несмотря на свои лета, быть столь вызывающе грубым, – прокомментировал происшедшее мосье де Сен-Лауп, как только мы повернули обратно. Француз снисходительно улыбнулся и пожал плечами, но его лицо, с удивлением заметил я, опять стало темно-малиновым, как это было уже один раз, когда он буквально уничтожил взглядом собаку Джин Ван Зайл.

Такая глубина чувств по столь незначительному поводу настолько обеспокоила меня, что я, расставаясь со старым скрягой, не обернулся и не пожелал ему всего доброго.

Это может показаться странным, но, расставшись в тот полдень со стариком Армиджем, я унес в своей душе какое-то внутреннее предощущение тех событий нескольких последующих

недель, в результате которых побелели мои волосы на висках, стала сухопарой моя правая рука и навсегда был утрачен покой в моей душе.

– Счастливая страна, – возвращаясь к своей обычной манере говорить, произнес мосье де Сен-Лауп, когда я вновь обратил к нему свой взгляд. – Счастливая страна, в которой слабый старикашка вместе со всем своим богатством может одиноко жить в столь уединенном месте. Он живет один, я правильно понял?

Я ответил француз, что ни у кого в округе не найдется достаточного количества денег, чтобы снять внаем у старого Пита его жилище.

– Если бы он жил в Европе, то однажды ночью ему бы до тех пор жгли пятки раскаленными утюгами, пока он либо не признался, где зарыты его сокровища, либо не умер под пытками, – произнес спокойным голосом мосье де Сен-Лауп...

Глава II. Кузина Фелиция

Инцидент был незначителен, но он лишил меня удовольствия находиться в обществе моего спутника. В тоне его последнего замечания присутствовала странная особенность, плохо соответствующая его словам, словно грубость старого Пита все еще терзала его душу, а испытываемая им при этом боль приносила ему извращенное наслаждение. У меня возникло ощущение, что было бы уместным поскорее распрощаться с ним, а для этого сопроводить его обратно в гостиницу той же дорогой, по которой мы пришли сюда. Я вспомнил о своей работе в конторе, завершить которую я был бы рад до ее закрытия, и подумал, что за весь день мои мысли никогда не были так далеки от того обстоятельства, что сегодня днем моя кузина Фелиция, как звал ее мой дядя, могла приехать из Мериленда.

В действительности нас не связывали узы кровного родства. Фелиция была единственным ребенком брата покойной жены дяди – ее мать умерла при родах, а отец шесть месяцев тому назад – и мой дядя тотчас после смерти ее отца пригласил девушку в свой дом, а тем временем не упускал удобного случая для намеков, не понять которые было очень трудно. Он надеялся нас поженить, эту незнакомую мне девушку и меня.

И пусть род Баркли, если не имя Баркли, продолжат его дело, которое в его долгом и бездетном вдовстве стало плотью от его плоти, сущностью его сущности. Подобно юноше, я писал: «Где найдется такой мужчина, готовый, независимо от его возраста, полюбить женщину, выбранную для него другими?» Со всей романтичностью, присущей юноше двадцати одного года, которого всю жизнь окружали только маленькие девочки, я не имел ни малейшего намерения жениться, позволив тем самым своей юношеской влюбленности быть столь кратковременной.

Более того, преисполненный глубокой проницательности, я спрашивал себя, ведомо ли такое, чтобы хорошенькая девушка с мягким характером и приятными манерами нуждалась в том, чтобы ее дядя подыскивал для нее мужа?

Итак, пока я вел месье де Сен-Лаупа по пешеходным дорожкам, пересекавшим пастбища на склонах холмов, вниз к реке мимо фруктовых деревьев, гнувшихся под тяжестью плодов, я задавал себе вопрос, могла ли уже приехать Фелиция, и еще сотню других вопросов, вызванных ее появлением. Лучи быстрозаходящего солнца, пронизывая ветви яблоневых деревьев, ласкали наши руки и лица неуловимым теплом, но вечерняя прохлада уже поднималась от реки, создавая удивительную пьянящую смесь с ароматным благоуханием спелых фруктов и соленым морским воздухом, приносимым стремительно накатывающим приливом. Тени от холмов на западном берегу более чем наполовину накрыли ширину реки. Далеко внизу, на краю вспаханного поля, их вершины, розовые на фоне таинственной тьмы, все еще купались в сильном солнечном свете. Дымовые трубы города курились огнями ужинов, и флюгер на колокольне церкви святого Михаила блистал своей новой позолотой над щетиной безлистных вершин вязов. Воздух был так тих и недвижим, что каждый мог почти поверить, что слышит журчание протекающей мимо мола воды в доброй полумиле от того места, где мы находились.

Вдали пробили городские часы.

И мысль о том, что уже на следующий вечер ужас войдет в эту мирную жизнь, что мы видели заход солнца, после которого на протяжении многих недель люди уже не будут безмятежно прогуливаться по окрестным холмам, как это делаем мы сейчас, что они будут спешить назад к своим домашним очагам, тревожным взглядом отмечая приближение сумерек и оценивая расстояние до ближайшего убежища, – эта мысль показалась бы мне тогда невероятной, она бы просто не могла прийти мне в голову!

Резкий скрип колес почтовой кареты донесся до нас с окончательности мыса. Подобно эху от пистолетного выстрела, шелкнул кнут кучера. И легкий экипаж появился на дороге в тот

момент, когда мы поднимались по ступенькам перехода через дорожное ограждение. Желтые панели кареты сверкали золотом в лучах заходящего солнца; старик в кучерском плаще с медными пуговицами и множеством пелерин правил двумя уставшими лошадьми: служанка, величая негритянка средних лет, в белом тюрбане и красной шали, опоясывающей крест-накрест ее впалую грудь, восседала на скамейке для слуг позади экипажа. Два небольших кожаных чемодана и большая плетеная корзина на багажной полке дополняли впечатление, произведенное слугами, и когда молодая девушка наклонилась над опущенным стеклом в дверце кареты, чтобы спросить, действительно ли Нью-Дортрехт впереди, я уже не нуждался в доказательствах, подтверждающих ее южный акцент.

Это была та молодая особа, к которой я заранее испытывал глухую и упорную неприязнь, и которая оказалась такой хорошенькой и привлекательной, как и обещал мой дядя, и которая, увы, должна была таить в своем характере недостатки, оправдывающие предубеждение, испытываемое мною против нее. И теперь, когда я нашел ее юной красавицей, продемонстрировавшей мягкий и добрый нрав и естественное чувство собственного достоинства, с которыми она задала свой вопрос, с прямым, открытым взглядом, преисполненным самообладания, ее природное величие заставило развеяться мое предубеждение, изменить прежнее решение и привело в такой полнейший беспорядок мои чувства, что я, безмолвный, оцепенел на мгновение.

Мосье де Сен-Лауп не находился в столь невыгодном, как я, положении. Сняв шляпу, он тотчас многоречиво и непринужденно обратился к девушке. Правильно ли он понял суть вопроса мадемуазель? Узнавала ли она путь? Не будет ли мадемуазель любезна повторить свой вопрос, и помедленнее, так, чтобы такой бедный иностранец, как он, был уверен, что понял ее. Придя в себя, я увидел направленный на девушку взгляд его рыжевато-коричневых глаз, каким светские щеголи рассматривают дам на бульваре Пале-Рояль. Под его пристальным взглядом ее лицо покраснело; ее тонкие, темно-золотые брови содвинулись вместе и она, слегка запинаясь, повторила свой вопрос. Моя кровь вскипела.

– Извините, мосье, – резко произнес я, – эта леди – моя забота.

И я встал между ними. Француз, конечно, при любых обстоятельствах остается французом, но если он пренебрегает обычаями страны, в которой решил поселиться, он должен быть проучен – вот и все.

– Но я не думал... – прервал он меня.

– Это мисс Пейдж из Мериленда, моя кузина, которую мой дядя ожидает вот уже целую неделю, – продолжил я со всей решительностью, всем своим видом показывая ему, что мои слова не нуждаются в дальнейших пояснениях.

Затем, уже из окна кареты, я вновь обратился к мосье де Сен-Лаупу:

– Уверен, сэр, что, учитывая данные обстоятельства, вы извините меня. Вы можете, тем не менее, продолжая свой путь, добраться до Хайстрит и вашего временного жилья. Мой дядя с удовольствием будет ждать вас у себя после ужина. О'ревуар!

– Я очарован вашим вниманием, – ответил он вполне учтиво; и мы отъехали, оставив его, всё ещё державшего шляпу в руке, на обочине.

Но лицо французского вновь стало таким же огненно-красным, каким оно уже было дважды за этот день. Однако его взгляд был адресован не мне. Он пристально всматривался во что-то на экипаже, находящееся чуть-чуть надо мной. Я высунулся из окна кареты, вытянув шею настолько это было возможно, чтобы увидеть, что же могло так сильно заинтересовать его, и мне удалось на мгновение поймать взглядом служанку Фелиции. Она, продолжая сидеть на скамье для слуг позади экипажа, круто обернулась в сторону французского; сильные, чистые линии её рта и подбородка были четко видны на фоне вечернего неба – казалось, что она, потрясённая, пожирает иноземца глазами.

– Вы проехали сегодня много миль, кузина Фелиция? – спросил я, как только устроился на заднем сиденье кареты. В маленьком объеме экипажа, оказавшись так близко от девушки, я почувствовал, что моя голова вновь пошла кругом.

– Я думаю, не более 15 миль, кузен Роберт, – ответила она застенчиво, а её опущенные ресницы почти касались нежных, румяных щёк. – Вчера мы проехали свыше 30 миль, поэтому дали отдохнуть лошадям и в путь сегодня отправились позже.

– Это те самые лошади, на которых вы выехали из Мериленда, кузина Фелиция?

– Именно они, кузен Роберт. – Но теперь её ресницы были подняты, её глаза весело смотрели на меня; а в мягком изгибе её губ таилась улыбка, рождающая ямочку на левой щеке. – Да, кузен. Дороги в основном были превосходные. Я думала, что Филадельфия необыкновенно большой город, но Нью-Йорк ещё веселей и ярче. Погода нам благоприятствовала; я ни разу чрезмерно не уставала, и...

– Вот-вот! – рассмеялся я, уловив смысл её шуточных замечаний. – Если вы и дальше будете столь же расточительны по отношению к темам нашего разговора, то как мы станем поддерживать беседу, пока не достигнем дядюшкиного дома?

– Расскажите мне об этом отвратительном маленьком французе, – неожиданно сказала Фелиция, сделавшись вдруг такой серьёзной, что я был поражен глубокой сосредоточенностью её прекрасного лица, сохранившего тем не менее живость и непередаваемую прелесть. – Я допускаю, что он может не быть таким плохим, как то впечатление, какое он произвёл на меня, иначе он не мог бы находиться в вашем обществе, и мой дядя не пригласил бы его к себе в дом в этот вечер. Но всё же, кто он?

Я рассказал ей то небольшое, что знал сам, добавив, что она не должна строго судить француза за его манеры, столь отличные от тех, к коим привыкли мы, американцы, и которым он ещё не успел обучиться.

– О да, – пожала она плечами, – конечно.

Но в нём есть что-то ужасное. Быть может, это его длинные зубы: они так не соответствуют его короткому толстому телу. А как он раскраснелся и каким свирепым стал его взгляд, когда вы, садясь в экипаж, повернулись к нему спиной, и он понял, что вы не намерены представить его мне!

Я была бы с ним настороже, кузен Роберт. Он почувствовал себя глубоко оскорбленным, а я уверена, что он умеет быть опасным, – добавила Фелиция серьёзно.

– Вероятно, ваша служанка разделяет ваши опасения, – сказал я, – Либо это так, либо мосье де Сен-Лауп поразила её воображение.

– А, Уэшти! Это бедное создание провело свои девические годы на Гаити, ухаживая за матерью, высеченной почти до смерти. Она в принципе ненавидит всех французов. Но вот что я намерена сказать вам об этом человеке, кузен Роберт. Никто и никогда не производил на меня столь странное и неприятное впечатление, и ещё – он был глубоко оскорблен.

– Я только имел в виду преподать ему урок американских манер, – весело произнёс я и открыл дверцу кареты, так как экипаж остановился перед домом нашего дядюшки, а сам дядя Баркли, возвратившись после трудового дня домой, как раз поднимался по пологим ступеням из чистого белого камня к парадной двери дома, окруженного железной оградой, к которому вела от самых ворот вымощенная кирпичом дорожка.

Пока он не видел нас, я успел одним быстрым взглядом уловить то впечатление усталости, которое производили его склоненная на грудь голова и опущенные плечи. Но как только он услышал скрип колёс нашего остановившегося экипажа, он тут же распрямил свои плечи и, полный достоинства, сошёл к нам навстречу. Я заметил, как Фелиция бросила быстрый и испуганный взгляд на его шикорополое пальто и парик, которые он продолжал носить, невзирая на моду, изменившую фасоны, после того как услышал, что в этой одежде он похож на президента Вашингтона. Дядя приветствовал её одной из своих тщательно составленных фраз

и по-отечески заключил в объятия, затем повернулся, чтобы поздороваться с её слугами и рекомендовать их под начало Барри, своего верного дворецкого и камердинера, который в этот момент торопливо спускался по ступенькам, чтобы заняться размещением багажа. Фелиция быстро почувствовала искреннюю сердечность и природную доброту дяди, скрывааемые под его внешней напыщенностью.

Девушка была забавна и непосредственна, а отнюдь не холодна и высокомерна, как повела бы себя на её месте почти любая другая девушка; и она, с радостью согласившись принять на себя обязанности хозяйки дома, церемонно предложенные дядей, как во время ужина, так и впоследствии, показала, насколько органично подошла к укладу и традициям дома, и если выразить впечатление одной фразой, можно было бы сказать: более точное соответствие просто невозможно.

Дядя не послал обещанного на этот вечер приглашения мосье де Сен-Лаупу, но, любуясь милым лицом Фелиции и красивыми молодыми плечами, нежно белеющими в лучах серебряных подсвечников, стоящих вдоль обеденного стола из тёмного красного дерева, отправил ему записку с извинением; и я не знаю, что было приятнее наблюдать: его сдержанное восхищение вновь воцарившимся за его столом вдовца женским великолепием, или непринужденные дружелюбие и деликатность, с которыми молодая девушка в тот самый момент, когда он так хотел этого, приняла на себя каждую из своих новых обязанностей.

После ужина, среди немного старомодного изящества затемненной гостиной, отпертой и приготовленной для приема только за неделю до приезда Фелиции, девушка, заняв место у камина и укрепив полотно на снятые с дальней полки пяльцы, принялась смешить дядю своими рассказами о приключениях, случившихся с ней в пути.

Спустя некоторое время он передал Фелиции ключ от клавесина, много лет бывшего только великолепным черно-красным, инкрустированным золотом саркофагом, безмолвно хранившим в себе музыку, и мягкая добрая улыбка светила на его красивом лице, пока она, перебирая старые струны, извлекала из них аккомпанемент к печальным мелодиям Юга.

В половине десятого в столовую вошел Барри и поставил перед Фелицией поднос с графином рома, кувшином воды, сахаром и лимонами.

Девушка сказала, что дома всегда ее приятной обязанностью было приготовление пунша для папы, но сегодня вечером мы должны дать ей подробные указания на этот счет, так как она никогда не видела двух джентльменов, имевших одинаковые вкусы. Она похвалила Барри за превосходный подогрев воды и с улыбкой отпустила его.

Мне приятно вспоминать эти маленькие подробности, составившие счастье первого вечера. Оно закончилось сразу же, почти в тот же момент, и никогда не возвращалось ни к одному из нас троих в течение многих недель. Фелиция встала с запотевшим дядиным стаканом пунша в руке.

– Нет-нет, – сказала она мне, – я сама передам его дядюшке. – Несколько шагов отделяли ее от кресла дяди, когда из груди девушки вдруг вырвался сдавленный крик, погребенный во взлетевших к губам ладонях; на мелкие осколки разлетелся упавший на воощенные доски пола стакан; она покачнулась и ее расширенные от необъятного ужаса глаза замерли на одном из высоких французских окон в конце комнаты.

Дядя успел подхватить девушку на руки, а я бросился к окну. По чьей-то оплошности тяжелые красные полотняные занавеси не были задернуты до конца, но мой встревоженный взгляд уловил на оконных стеклах всего лишь яркое калейдоскопическое отражение внутреннего убранства комнаты. Я с силой рванул вверх оконную раму, выскользнул в небольшой садик, окруженный высокими стенами и быстро и внимательно осмотрел его, но не смог понять, что же так напугало Фелицию. Когда я вернулся в комнату, девушка уже настолько пришла в себя, что смогла объяснить случившееся с ней.

– Мне очень неловко, дядя Баркли, – услышал я ее голос. – Вы можете считать меня сумасшедшей, но через окно я увидела огромного волка, заглядывавшего в комнату. Выпускаете ли вы ночью в сад чудовищно большую сторожевую собаку, или я должна прийти к заключению, что поездка утомила меня значительно сильнее, чем я могла предполагать?

– Я не держу собак, и ни одна из них не смогла бы преодолеть стены, окружающие мой сад, – озадаченно произнес дядя, обводя глазами комнату и как бы ища ответа на эту загадку. И вдруг он засмеялся, направился к окну и легким ударом ноги коснулся головы медведя с изумленно выпученными глазами, чья блестящая черная шкура меховым ковром расстилалась посреди комнаты.

– С того места, где вы стояли, вы должны были увидеть на оконном стекле ее увеличенное отражение, и, несомненно, ваше утомленное воображение дорисовало картину. Давайте еще раз продемонстрируем это видение. Портьеры, Роберт. Отдерните их снова.

– Нет-нет! – закричала девушка. – Вы, конечно, правы. Кузен Роберт был бы разорван на куски, если бы то, что я видела за окном, оказалось там на самом деле. Но я не хотела бы еще раз увидеть эти глаза. Свирепые, они, казалось, смотрели прямо на меня.

Ее волнение было таким неподдельным, что дядя не стал настаивать на своем предложении; и действительно, любое иное объяснение увиденного девушкой казалось просто невозможным. С той страшной зимы Освободительной войны, когда индейцы угрожали своими набегами фортам первых поселенцев, стоявшим в безлюдных местностях, подобных нашей, ни один человек в радиусе 20 миль от Нью-Дортрехта даже не слышал о волках. Мистер Сэквил держал большого английского дога, но никогда не выпускал его из дома одного. Кроме того, как сказал мой дядя, стены сада, утыканные по гребню стеклом, являлись непреодолимым препятствием для любого животного. Итак, мы выпили наш пунш; Фелиция пожелала нам спокойной ночи; я ушел домой, в старый отцовский дом у реки, и мои мысли были заняты кухней и всем тем, что могло бы дать какое-то иное истолкование приключившегося с ней случая. Меня немного удивило, почему все собаки нашего городка захлебываются в неистовом лае. Возможно, влажный ветерок донес до них запах какой-то лисицы, рыскающей в поисках добычи среди отдаленных ферм, думал я.

Но только до наступления следующего утра, когда я был разбужен новостью, принесенной работником с фермы, который на рассвете, укорачивая свой путь, проходил через сад старого Пита и нашел его мертвым на пороге собственного дома с разорванным в кровавые клочья горлом. Следы зверя, сотворившего этот кошмар, оставленные им в пыли доброй половины улиц нашего городка, говорили о том, что это был волк чудовищных размеров. Животное рыскало почти неправдоподобно далеко от тех диких урочищ, где оно только и могло найти некоторую свободу своего существования. Но все эти следы говорили о невозможности какого-то иного объяснения случившейся трагедии. Не удивительно, что собаки нашего городка были так возбуждены! Но это еще не доказывало, что волк мог перепрыгнуть через стены, окружающие дядин сад, не задев их...

Глава III. Волк! Волк!

Эту страшную весть о старом Армидже я узнал позднее других жителей городка. Но солнце еще не успело перевалить через сосновую рощицу, как я уже был у порога дома старого Пита; в полумраке сумрачного сада на спутанных стеблях увядших цветов все еще искрились печальной чистотой капли утренней росы. Давний пролом в задней стене сада, соблазнивший работника, который первым увидел тело, сократить свой путь на ферму, его зазубренные края и скатившиеся на землю камни наводили на гнетущую мысль о недавнем насилии, как если бы оно было делом рук грубого и жестокого мародера.

И что-то ужасное, вызывающее суеверный страх было в этой сцене, на которой небольшие группы невежественных мужланов, возбужденно переговаривавшихся между собой низкими хриплыми голосами, пялили вытаращенные глаза на огромные волчьи следы, хорошо отпечатавшиеся на мягкой земле тропинок, и в большинстве своем отводившие глаза от темно-красных пятен, густо замаравших каменные ступени крыльца, поднимавшиеся к двери на кухню.

Тело было внесено в дом, где его осматривали судебный следователь и сам шериф; и прежде чем я воскресил в памяти нашу последнюю встречу со стариком, случившуюся за день до его гибели, Джек Данкад, констебль, назначенный охранять следы преступления от любопытства досужих зевак, попросил меня войти в жилище и рассказать о том, что мне было известно. Если сад был запущен, то кухня была еще более мрачной и угрюмой, и холодный свет, проникающий внутрь из единственного окна, высвечивал грубые, неотесанные доски грязного пола и стены с потрескавшейся, подправленной кое-где на скорую руку штукатуркой, покрытой коричневыми и зелеными пятнами сырости и плесени. Застоявшийся воздух был густо пропитан запахом несвежего постельного белья. И когда я увидел недавнего владельца этого жалкого дома, чье окостеневшее тело лежало сейчас на потемневшем от старости кухонном столе, сколоченном из сосновых досок, увидел его худые, угловатые ноги, торчащие из-под короткой, запятнанной кровью ночной рубашки, когда заметил его чашку и тарелку с лежащими на ней ножом и вилкой, приготовленными им на утро за несколько часов до своей ужасной смерти, внезапные жалость и сострадание нахлынули на меня. Он выглядел таким маленьким и хрупким, таким неспособным нанести ближнему малейшую обиду; и такой жалкой глупостью казались сейчас все годы его строгого самоограничения, принесшие ему лишь накопление богатства, которыми он уже никогда не воспользуется, и всеобщий ужас, в котором не было места ни сожалению, ни печали, и его гибель, вынуждая полицейских заниматься ее обстоятельствами, заставила шерифа лишь кипеть от злости, а для маленького доктора Ван Рейна обещала стать случаем необычайной важности.

К твоему удивлению, я нашел преподобного мистера Сэквила рядом с двумя полицейскими офицерами. Но из его ответов на вопросы, которые они ему задавали, я вскоре понял причину его присутствия здесь. Поднявшись по привычке рано утром, пастор, как обычно, направился к калитке своего сада, чтобы пригласить своего дога составить ему компанию за завтраком. Он нашел великолепное животное мертвым, убитым единственным чудовищным укусом, переломившим собачий хребет у основания черепа. В течение ночи пастор не слышал необычных звуков, разве что его дог лаял время от времени – но все собаки в городе делали, кажется, то же самое. Схватки не было, только бесшумный прыжок сзади. Единственная рана и следы на рыхлой земле доказывали это.

Все это время, можете быть уверены, я не забывал об испуге Фелиции в дядиной гостиной.

Не было ли наше объяснение случившегося ошибочным? Не смог ли этот огромный зверь перепрыгнуть через стены сада? Но если смог, то почему эта свирепая тварь пронеслась мимо моего явно открытого окна? Я не упомянул, однако, об обстоятельствах моего допроса. Ван

Рейн излишне докучал мне своим присутствием, и я решил, что не предоставляю ему ни одного шанса продемонстрировать свою власть, изводя мою милую кухню своими глупыми вопросами.

Полицейский напомнил мне некий персонаж аттракциона с нанесенным на лицо мертвенно-бледным гримом, когда поднял замызганный прямоугольник кухонного полотенца, закрывавший лицо и грудь старого Пита, и предложил мне опознать убитого, так как я был одним из тех, кто видел несчастного и разговаривал с ним за день до его смерти. Если бы возможно было допустить, что все, что угодно, но только не челюсти ужасного зверя нанесли эту рваную рану, то вопросы полицейского и его метод ведения допроса наводили на мысль, что виновным в совершении чудовищного убийства он считает меня.

Не открывал ли я калитку и не входил ли я в сад во время своей беседы со старым Питом? Не находился ли я с ним наедине некоторое время? Я уверен, что полицейский был разочарован, узнав, что мосье де Сен-Лауп был со мной повсюду и я ни на мгновение не оставлял его в одиночестве. Ван Рейн под горячую руку тотчас вознамерился вызвать на допрос и его, как дверь отворилась и на пороге возник сам мосье де Сен-Лауп, оживленно бранившийся с Джеком Данвудом, который безуспешно пытался воспрепятствовать его проникновению в дом.

Первой моей мыслью было, что француз с трудом сдерживает волнение. С его лица исчез прежний румянец; темные круги легли под его глазами; мне показалось, что какое-то тайное страстное желание мелькнуло в быстром взгляде, которым он окинул комнату и ее обитателей.

Впрочем, холодный свет раннего утра и потрясающие воображение подробности преступления вполне объясняли его состояние. Мосье де Сен-Лауп был так же тщательно одет и выбрит, как и накануне, но с мягкими чертами его добродушного лица не гармонировали уставшие глаза, взгляд которых поражал серьезностью, которую я не предполагал в них обнаружить. Когда он был приглашен на допрос, то спокойно выдержал суровое испытание ужасным зрелищем, открывшимся ему на досках стола, и на все вопросы полицейских отвечал с удивительной ясностью и, я бы сказал, ловкостью, тем более что говорить ему пришлось на чужом для него языке.

Но прежде чем судебный следователь закончил свой разговор с французом, я заметил кое-что, заставившее меня задуматься. Я почувствовал легкий толчок локтем в бок и, подняв голову, встретился взглядом с умными, проницательными глазами старого священника, заставляющими меня еще раз взглянуть на тело старого Пита. С большой неохотой я сделал это, но так и не смог догадаться, куда именно клонит пастор.

Медленное истечение крови из раны было той единственной неожиданностью, которую я заметил. Кровь вытекала, и я предположил, что именно это обстоятельство, словно молния, поразило богатое воображение пастора, никогда не покидающее его на глухих нехоженных тропинках исторических исследований. Он подробно рассказал нам об этом, когда мы с ним и мосье де Сен-Лаупом спускались с холма, после того как судебный следователь отпустил нас. А я тем временем с интересом отметил забавную разницу между этими двумя людьми: маленьким, полным, разговорчивым и жестикулирующим французом, и сухопарым семидесятилетним мистером Сэквилем ростом в 6 футов и 3 дюйма, с ниспадающими на плечи густыми серебристыми локонами, здоровым румянцем на аскетичных щеках, сдержанными, но остроумными каламбурами, слетающими с губ этого человека, которого так и не смогли сломить семь лет гонений за верность королю Георгу III:

– Не приходило ли вам в голову, мосье, что если бы мы с вами жили в средние века, жили либо во Франции, либо еще где-нибудь в Европе, то место, где вы стояли на кухне старого Армиджа, было бы для вас решительно неудобным?

– Мое место неудобно – в средние века – если бы мы были там именно сейчас? Я не размышлял о средних веках, когда находился в той кухне, мистер Сэквил. Я просто подумал, что все было очень типично для этой новой, свободной страны, пребывающей в веках совре-

менных. Вы могли бы увидеть то же самое и во Франции – полицию, служащих, одним словом, тех, кто одет в форменное платье и кого вы называете бюрократами. Этот напыщенный, немного глупый офицер оказался несомненно честным и довольно прямым. – Мосье де Сен-Лауп сделал паузу, как если бы подвел черту под сказанным, и затем учтиво добавил: – Но вы, сэр, кажется, сказали что-то о средних веках. Что это было? Вы заинтриговали меня.

– Я имею в виду состояние тела, – сдвинув брови, серьезно ответил мистер Сэквил, однако я уловил азартный огонек в его голубых глазах. – Из раны вновь потекла кровь, когда вы склонились над ним. В средние века, приняв во внимание лишь это единственное обстоятельство, вас повесили бы так же высоко, как и Хеймана, если, конечно, мои знания о тех временах соответствуют действительности. Я прав?

Француз пожал плечами и равнодушно сказал, что читал о чем-то подобном. Но по тону его голоса чувствовалось, что слова священника оставили неприятный след в его душе. Да и меня самого, тем более что я любил пастора, неприятно задело то удовольствие, с каким он произнес их, едва мы покинули сцену смерти. Меня удивил этот поступок священника, которого отличали безукоризненные честность и прямота, и который всегда был особенно требователен к точности и достоверности толкования явлений.

Но он тотчас показал, что ясно отдает себе отчет в том, что вышел за границы дозволенного для столь недолгого знакомства. В своих последующих словах он смягчил свой тон и с чарующей учтивостью, столь характерной для него, взял на себя смелость попросить мосье де Сен-Лаупа доставить ему удовольствие отобедать с ним завтра в его доме.

Француз быстро принял заключенное в этих словах извинение, а также само приглашение; и, всем своим видом продемонстрировав, что не таит обиды на двусмысленные речи священника, он продолжил разговор.

– Я прихожу к выводу, сэр, что колдовство и черная магия – не единственные предрас судки, коими вы изволите интересоваться.

– Наш общий друг Фаррер уже успел рассказать вам об этой моей слабости, не так ли? – с улыбкой ответил мистер Сэквил.

– Он дал мне понять, что вы верите в то, что такие странные явления действительно могут происходить, и что люди, имеющие к этому прямое отношение, отнюдь не всегда обманщики и сумасшедшие, более того, они, наделенные сверхъестественными силами, живут среди нас.

Мистер Сэквил метнул на француза проницательный взгляд, словно желая убедиться, что иностранец не разыгрывает его.

– Трудно не сомневаться, что зло вокруг нас полностью искоренено. Примите во внимание трагедию сегодняшнего утра. До прошедшей ночи старожилы этого округа уверяли бы вас, что в наших лесах в радиусе сотни миль не осталось ни одного волка, что их просто не может быть; а теперь я покидаю вас, чтобы присутствовать на похоронах моего доброго четвероногого друга Неро, который, к слову сказать, стоил двух матерых волков. Вы следите за параллелью, которую я провожу?

Мы дошли до боковой дорожки, которая, огибая верхнюю окраину городка, вела к задней калитке его сада. Пастор приподнял шляпу, поклонился и, повторив свое приглашение мосье де Сен-Лаупу посетить его на следующий день, покинул нас.

– Я желал бы, – сказал француз, когда мы продолжили спуск с холма, – чтобы мой волкодав де Рец был здесь прошлой ночью. Не покушаясь на уважение к его Неро, я хотел бы сказать, что сегодня утром мы обсуждали бы совершенно иную, отличную от случившейся, историю схватки моего пса с этим чудовищем. Я был бы рад, если бы в ближайшие дни моя собака оказалась здесь, рядом со мной.

У дверей дядиной конторы он расстался со мной, желая, по его словам, получить консультацию у адвоката; и я посоветовал ему обратиться к эсквайру Киллиану.

– Я хочу, – зло сверкая глазами, произнес он с глухим рычанием в голосе, прорвавшимся впервые за весь этот день, начиная с раннего утра и до настоящего момента, – я хочу знать американские законы на приобретение земельной собственности иностранцами. Я уже говорил вам вчера, что мне понравился дом этого несчастного старика. Полагаю, что мои слова не разойдутся с моими делами и я стану владельцем этого жилища. Ведь вы не забыли этих моих слов, да?

– Я не забыл и того, что он сказал о пожирающей людей алчности. Доброго утра, сэр, – холодно ответил я, взявшись за железные перила, поднялся по каменным ступеням и захлопнул за собой дверь конторы. Тело старого Пита еще не остыло, а потому тон француза был более оскорбителен для меня, чем практический смысл сказанных им слов.

Мое раздражение быстро прошло. Я даже подумал, что с моей стороны было глупо столь остро реагировать на слова француза. Различия в обычаях, нравах, различия в языках легко посчитать за бессердечие, которое и возбудило во мне отвращение к иноземцу. И приняв решение при первом же удобном случае загладить свою резкость, я освободил свою душу от этих переживаний. Другие мысли овладели мной, мысли, неподвластные влиянию даже чрезвычайных событий сегодняшнего утра. Ибо я, на которого хорошенькое девичье личико всегда производило более чем умеренное впечатление, чье сердце никогда не начинало учащенно биться от улыбок восхитительных девушек, украшающих своим присутствием каждую из наших зимних ассамблей, вдруг страстно влюбился. Полночи я метался по постели, выслушивая бесконечный лай собак, доносящийся то снизу от реки, то из северного предместья, и, наконец, перед самым рассветом, замершего на вершинах холмов. И когда я поднялся, охватившее меня чувство было еще глубже и сильнее, чем за несколько часов до рассвета, когда мое тело только коснулось холодной постели.

Переполненный светлыми чувствами, я легко поднялся на холм, где стоял дом старого Пита.

Положа руку на сердце, я мог сказать, что поднимаюсь на холм потрясенным и опечаленным – после всего происшедшего, скупой и несчастный старик уже никогда не почувствует вновь тепло той маленькой доброты, которую я проявил к нему так давно. Но несмотря на эти мысли, в глубине моей души копилась радость. Ибо мне открылось течение настоящей любви, струящееся мне навстречу ровно и спокойно, и душа моя пела песнь чистую и светлую. И однажды, когда я, сидя на своем высоком табурете, корпел над бумагами, я каким-то непостижимым образом вдруг почувствовал, что мой гнев на Сен-Лаупа был мистическим выпадом против человека, стоящего на пути к моему счастью. И каким образом мои желания в точности совпали с дядиными? И заслуживаю ли я, чтобы самая восхитительная девушка в этом сотворенном Богом мире взглянула на меня с благосклонностью? И отпечатком чего были мои вчерашние мысли о ней, мое глубокое отвращение к браку по расчету, на который, как я безошибочно чувствовал, рассчитывал наш дядя, словно смеясь над моими стремлениями? Быть может, её знакомство с планами дяди было еще менее глубоким, чем мое, или она нашла их достаточно привлекательными для себя? Конечно, её красоты было достаточно для полной смены моих прежних чувств. Но по какой причине могли столь же серьезно измениться и её чувства?

Еще более неприятная мысль овладела мной.

Не испытывала ли она любовных чувств к некоему молодому блестящему южанину, который, не собираясь связывать себя узами брака, уже наслаждался этими упованиями до помолвки?

Эта мысль изводила меня весь день, причиняя такую боль, что когда мы с моим дядей, отдавая дань нашим привычкам, прогуливались перед ужином, я не выдержал и напрямик спросил его об этом.

Дядя рассмеялся своим громким, ничего не выражающим смехом.

– Возможно ли это? Да, возможно, хотя я не даю гарантий, что это факт. Если это случилось, я постараюсь узнать у нее об этом.

– Вы узнаете? – не сдержавшись, воскликнул я.

– А почему бы и нет? Размышления о подобных вещах иногда посещают мой разум.

Тем более что Сен-Лауп уже дал толчок этим мыслям, уверяя меня, что он рассчитывает на помолвку с ней.

– Я был бы очень рад, сэр, – импульсивно воскликнул я, – если бы эти мысли покинули вас.

– А я и не сомневаюсь, что вы были бы рады, – холодно ответил он. – Моя п. мянница достойна быть женой человека, занимающего самое высокое общественное положение. На Сен-Лаупа она уже произвела сильное впечатление, хотя вчера в экипаже он видел ее только одно летящее мгновение.

– Это очевидно, – ответил я ему с такой же холодностью, а затем дал ему полный отчет о вчерашнем поведении маленького француза.

– Ох, уж эти французы, – мягко заметил дядя. – Женщина для них прежде всего женщина, хотя потом она может стать для них и госпожой. Сен-Лауп отнюдь не дурак в этом отношении. Знаете ли вы, как он распорядился своей собственностью – всем тем, что не смог взять с собой до падения Бастилии? Вложил ее в британскую ренту. Умно, не правда ли? Удивительно практичное решение для аристократа – таково мое мнение.

В это время мы дошли до дверей дядиного дома. Ввиду того, что, хотя о моем появлении на ужине не было сказано ни слова, я тем не менее был уверен, что такое приглашение входило в планы дяди, которые он строил относительно нас с Фелицией, и потому продолжал идти вместе с ним и после того, как мы миновали угол, где наши пути обычно расходились. Но дядя лишь протянул мне руку и пожелал спокойной ночи.

Что мне страдания от мыслей, мучивших меня весь день, что мне замешательство, с которым я смотрел на него, продолжая улыбаться – мне показалось, что дядя сейчас разрушил не меньше, чем воздушный замок, возведенный моими слабыми надеждами, что разочарование оказалось сильнее, чем я мог вынести. Я почувствовал, что этим вечером непременно должен увидеть Фелицию, пусть даже эта встреча подарит мне лишь один единственный ее взгляд и легкое прикосновение ее руки.

– Если вы позволите, сэр, – дерзко сказал я, – я хотел бы войти и осмотреть сад. После этих слухов о волчьем подвиге у мистера Сэквила мне хотелось бы удостовериться в том, что наше объяснение испуга моей кузины прошлой ночью было достаточно точным.

– В этом не может быть сомнений, – ответил он. – Впрочем, если у вас появилось такое желание, осматривайте. Надеюсь, вы извините меня, если я сразу поднимусь к себе.

Дядя не смог бы сейчас сделать ничего иного, за что я извинил его более охотно, потому что он предоставил мне несказанно много – заглянуть по пути в дверь гостиной. Фелиция была там.

При взгляде на нее, на ее отливающую в мерцающем пламени свечей темным золотом хоро шенькую головку, при виде ее мелькающих над пальцами белоснежных ручек я, как только вошел в комнату, сразу забыл половину моих новых тревог. Другая половина исчезла, едва я услышал ее приветливый голосок. Пусть дядины желания остаются с ним, Фелиция не была обещана никому другому.

– Мой дорогой Роберт, я так рада, что вы пришли, – воскликнула она, и затем, понизив голос, добавила. – Я проделала эксперимент.

Сейчас я вам кое-что покажу. То, что я увидела в окне прошлой ночью, не было отражением.

Смотрите! Огни и занавеси находятся в том же положении, что и тогда. И, тем не менее, встав на то место, где я стояла прошлой ночью, вы не сможете увидеть отражение головы этой

медвежьей шкуры в оконном стекле. Волк, который убил этого старика, был в нашем саду, и я видела его.

Ее рука нашла мою и сжала ее.

– Какой ужас, Роберт! Представьте, что он напал бы на вас, когда вы бросились в сад! Если бы вы только видели его, стоящего там и пожирающего меня глазами! Сейчас эта мысль вызывает у меня холодную дрожь по всему телу.

Мое тело тоже трепетало, но не от ужаса, а от ее теплого прикосновения. Мои пальцы сжали ее руку.

– Пойдемте, – сказал я. – Пусть каждый возьмет свечу и поищет в саду следы. Это будет оправданием моему приходу сюда.

– Их совсем нет. Ни одного. Я уже осматривала сад сегодня утром. И все стены, вы знаете, каменные, и одна из них ведет прямо к этому окну. Только не говорите мне, что не останетесь с нами на ужин. – И сожаление в ее голосе более чем вознаградило меня за все мои обманутые надежды на этот вечер.

– Я не приглашен, дорогая кузина, – сказал я девушке. – Видимо, дядя просто не собирався этого делать, а когда вы узнаете его лучше, то заметите, что он не из тех людей, кто готов пригласить за свой стол любого.

– Какой стыд! Если бы я жила здесь месяц, а не один день, я бы сама пригласила вас. Однако, вы приглашены на завтрашний вечер. И не говорите мне, что не сможете принять это приглашение, потому что без вас я ни за что не вынесу присутствия мосье де Сен-Лаупа в нашем доме.

– Мосье де Сен-Лауп приглашен на завтрашний вечер? О, наш дядя не медлит с демонстрацией своего гостеприимства, не так ли? Можете быть уверены, я приду. И это будет лучше, чем находиться в стороне от событий, тем более, мне кажется, что мосье де Сен-Лауп нравится вам «е больше, чем мне».

– Ах, но наш дядя уверяет меня, что я совершенно не права в своем отношении к этому человеку. – Ее лицо стало еще более восхитительным. – Он говорит, что тут уж ничего не поделаешь, если француз привык смотреть влюбленными глазами на каждую женщину, и что мосье де Сен-Лауп действительно человек, придерживающийся понятий, столь же прочных, как и его доходы, которые, кажется, превосходны.

Ее рука продолжала лежать в моей, и то искреннее, теплое и сильное пожатие, которым она одарила меня на прощание, без лишней сентиментальности показало, что она хотела бы разрешить мне остаться здесь, рядом с ней.

Влюбленный в нее, я был настолько глуп, что позволил этой мысли унести с собой в память о нашей встрече половину ее очарования. Я был ее кузеном, которого она любила как кузена, и не более того, с горечью говорил я себе, пока шел одиноким путником в свой дом и пока ужинал там в своем грустном уединении. Я напомнил себе, что более чем достаточно для одного дня повалял дурака, и пламя стыда охватило меня с головы до пят, как только я подумал об улыбке, с которой дядя выслушал мое признание о моей готовности к помолвке с его племянницей. Но что еще мог он иметь в виду все эти недели лукавых намеков и хитрых кивков? Или он неожиданно изменил свои планы? И если это так, то почему? Быть может потому, что этот осанистый аристократ с его удачным размещением капиталов в британской ренте вдруг появился на сцене и с первого же взгляда на Фелицию был поражен в самое сердце? Но я еще не представлял во всех деталях, насколько серьезно затронула интересы старой фирмы «Баркли и Баркли» широко распространившаяся этим летом финансовая депрессия, и я был слишком молод, чтобы знать, как легко для человека, имеющего темперамент моего дяди, тешить себя благими мыслями о том, что он поступает согласно своим бескорыстным побуждениям, в то время как служит он лишь собственным интересам.

Глава IV. Люби мою собаку, люби меня

Я стал, конечно, абсолютной добычей ревности, когда на следующий вечер явился на ужин в дом дяди. И если Фелиция не дала мне ни единого повода, потворствующего моей презренной страсти – а я это ясно сознавал – то мосье де Сен-Лауп принес мне множество извинений. Должен сказать, что при всей своей демонстрируемой общительности он уверенно, когда ему это было надо, держал дистанцию, соответствующую его званию. Одетый в дорогой вечерний костюм, сшитый с ненавязчивой элегантностью, с отделанным щегольскими кружевами воротом и сияющим на груди изумительным рубином, держа в руке табакерку, изящно отделанную эмалью, он предстал перед нами другим человеком, с тонким, совершенным вкусом.

С его лица, освещенного пламенем свечей, казалось, сошел прежний румянец, вызванный избытком жизнерадостности. И если кто-нибудь закрывал его от потока льющихся лучей, на его темно-голубой, гладко выбритой коже становились видны над губами крошечные, нанизанные, словно бисер, капельки пота. Огненно-красные огоньки в его черных глазах придавали им меланхолическое выражение. Изящные линии сюртука из бордового атласа скрадывали полноту его фигуры. Его познания о Париже, конечно, как он нас уверял, могли быть поверхностными, но не провинциальный портной кроил его сюртук.

Я, сидящий напротив него, в своей скромной одежде выглядел довольно бедно на фоне роскошной мебели дядиной гостиной. И, напротив, превосходные столовые приборы, старинное массивное серебро и хрусталь, появившиеся на столе к его приходу, как нельзя лучше соответствовали общественному положению этого аристократа и не превосходили той меры, каковую хорошо воспитанный человек, подобный ему, смел ожидать.

Его энергия выплескивалась хорошим юмором. Он с легкостью, даже когда Фелиция предоставила нам возможность одним насладиться вином, оставался верен присущей ему вежливости. Позже, уже в гостиной, он пересел поближе к ней, демонстрируя нечто вроде повышенного и задумчивого смирения, которое должно было быстро стереть из ее памяти то неприятное впечатление, какое он произвел на девушку при их первой встрече, возбудив во мне тем самым острое желание вышвырнуть его вон. Он тотчас вскочил на ноги, чтобы провести Фелицию к клавишину, когда дядя предложил ей спеть для нас, и менее чем через пять минут он уже склонился над ней с нотами для дуэта. Минут десять они производили впечатление людей, забывших о нас – моем дяде, пасторе, который в этот вечер был, кроме нас, единственным гостем, и обо мне, и увлеченных лишь исполнением коротких мажорных песенок, перемежающихся всплесками бойкой болтовни на французском языке, слишком быстрой, чтобы я мог уследить за ее смыслом.

– Странный поклонник, – прокомментировал мистер Сэквил, когда стало ясно, что они сосредоточены только на собственном развлечении. – Довольно учтивый и интересный, но переполненный такой страстностью, которая заставляет буквально закипать мою холодную северную кровь. Я не могу сказать, что он мне нравится.

– Я нахожу его человеком, являющимся носителем исключительно правильных, здравых для наших дней понятий, – хладнокровно заявил мой дядя, – отнюдь не слепо преданным старому порядку вещей, но и никоим образом не сочувствующим крайностям нынешнего времени.

– Итак, вы проинформировали меня, – сказал мистер Сэквил. Очевидно, он уловил ту интонацию, какой мой дядя имел обыкновение пользоваться при завершении дискуссии, которую рассматривал как бесполезную, но которую сам же прежде начал и далеко завел, и потому резко переменил тему.

– В смерти старого Армиджа, мистер Баркли, была одна странность, которая пока еще не получила объяснения на следствии. Вы можете отметить это, Роберт. Возможно, это и не

имеет практического отношения к делу, но я задал себе вопрос, что заставило старого Пита выйти в сад с столь поздний час. Хорошо известно, что его дом всегда был заперт, как тюрьма, особенно по ночам, более того, старик ни за что бы не покинул жилище в эти часы – помните, даже в ночь великого пожара, много лет тому назад, когда пылающие головешки падали на его крышу, он не сделал этого. Сейчас, когда я нахожусь в состоянии праздности, я могу позволить себе удивиться, почему накануне ночью он все-таки вышел из дома. Приходил ли на ум этот вопрос кому-то из вас?

– Да? Да, прошу прощения, сэр, – дядя запнулся, словно он пребывал в такой глубокой задумчивости, что сразу не смог понять, о чем именно сказал священник. – То есть, сэр, мы можем сказать, что вы пришли к некоторому объяснению, – и он наконец окончательно пришел в себя.

– К одному единственному и, возможно, не очень серьезному, – ответил мистер Сэквил. – И основано оно на широко распространенной легенде, что в саду бедняги зарыты сокровища.

Если мы допустим это, то тогда становится понятным, что волка, забежавшего в его сад, старик принял за грабителя, ищущего его клад.

– Тьфу! – воскликнул дядя. – Я сомневаюсь, располагал ли он хотя бы сотней долларов, а если у него и была эта сотня, то он был слишком практичным человеком, чтобы зарывать их.

Вы знаете, что будут говорить в маленьком городке о живущем в уединении хмуром и неприветливом старике. Мне кажется, что он просто неожиданно почувствовал себя плохо и попытался позвать на помощь.

– В ночной рубашке? Ведь на нем больше ничего не было.

– Да? – произнес дядя. – Я не слышал об этой подробности. В течение двух Дней я был так поглощен своими делами в конторе, что не смог уделить достаточно внимания этому делу – но сейчас оно захватило внимание многих, не так ли? – и он внезапно прекратил разговор, так как после двух или трех неудачных попыток, перемежающихся смехом, Фелиция и Сен-Лауп наконец запели дуэтом.

Мосье де Сен-Лауп, обладая превосходным баритоном, искусно подчеркивал своим пением прелести салонного сопрано моей кузины.

Романс, поощряемый энергичными одобрительными аплодисментами дяди и пастора, следовал за романсом, и все чаще и чаще я ловил глазами обращенное к французам сияющее лицо Фелиции, раскрасневшееся от удовольствия. Я подарил им кислую улыбку, когда наконец он подвел ее к нам и церемонно поклонился, в то время как она присела в реверансе, словно они оба были профессиональными исполнителями.

– С этого вечера вы можете рассчитывать на удовольствие от нашей музыки, сэр, – произнес француз, – мадемуазель просит вас об этом и в моих интересах. К тому же она взяла на себя нелегкий труд дать убежище моему бедному псу – до тех пор, пока я смогу подготовить для него подходящее пристанище. Она просит на это время предоставить ему гостеприимный приют на вашей конюшне.

Фелиция пояснила просьбу Сен-Лаупа. Оказывается, он должен съездить на неделю в Нью-Йорк, чтобы позаботиться о скорейшей отправке своих вещей, а также заключить ряд выгодных для себя сделок, но вещи и свою собаку он желает отправить сразу по приезду, чтобы они успели прибыть в наш городок до его возвращения. Но необходимость поиска подходящих для его пса помещения и «опекуна» поставила его в тупик.

– Де Рец – своеобразное создание, медленно привыкающее к незнакомым людям, – добавил мосье де Сен-Лауп, улыбкой и поклоном подтверждая слова Фелиции, – если только ему не случится быть прирученным молодыми леди.

– Я не вижу причин, из-за которых бедное животное не может занять один из свободных денников для лошадей в моей конюшне, – сказал мой дядя. – Но скажите же мне наконец, сэр, нашли ли вы уже в нашем городке жилище, удовлетворяющее вашим требованиям.

– Эсквайр Киллиан разъяснил мне, что я могу рассчитывать на дом бедного старого мистера Армиджа. – И я уловил в направленных на меня при этом глазах француза яркую вспышку высокомерного торжества. – На первых порах я займу его без оформления необходимых документов, но со временем эсквайр Киллиан обещает выполнить все формальности.

– Вот как, вы не боитесь ни искателей сокровищ, ни привидений, – заметил мистер Сэквил.

– Когда де Рец рядом со мной – нисколько.

– Де Рец? Странное имя для собаки. – Француз, заметив интерес пастора, оживился.

– Оно не столь неподходяще для волкодава сейчас, чем об этом было бы можно подумать.

– Но вы, должно быть, давая собаке это имя, вспоминали судьбу Жилия де Лавалья?

По лицам дяди и Фелиции я понял, что это замечание пастора оказалось выше их понимания, впрочем, так же как и моего.

Мосье де Сен-Лаупу, однако, не пришлось долго искать значения этих слов, так как он тотчас ответил:

– Нет, сэр. Я вовсе не имел в виду сэра де Реца. Я вспомнил кардинала, носящего это имя. Воспоминания о нем очаровали меня.

– В самом деле? – воскликнул пастор и рассмеялся своим искренним смехом. – Я прошу прощения у вас и у вашей собаки. – И затем, заметив наши озадаченные лица, поспешил добавить. – Жиль де Лаваль, сэр де Рец, был соратником Жанны д'Арк и маршалом Франции, человеком праведной жизни, окончившим свои дни на плахе, будучи задушенным и сожженным за убийства малолетних детей. Он был обвинен в ликантропии, не так ли, мосье де Сен-Лауп?

– Вполне вероятно, мистер Сэквил. – При внешнем безразличии тон француза граничил с оскорбительным высокомерием. – Мне интересен лишь кардинал де Рец.

– Неужели среди вас не найдется джентльмена, готового рассказать бедной, невежественной девушке с юга, что такое ликантропия? Разумеется, если в этом нет ничего чересчур неприличного для ее ушей, – любезно высказала свою просьбу Фелиция.

– Мосье де Сен-Лауп сделает это наилучшим образом, – в ответ на обращенный к нему взгляд девушки откликнулся пастор. – История его родной провинции весьма богата случаями ликантропии. Не расскажете ли вы нам, мосье, какую-нибудь давнюю, леденящую кровь историю об оборотнях?

– Этот предмет никогда не интересовал меня, – ответил француз. – Сожалею, мадемуазель, но я всегда считал эти старые басни скучными и утомительными.

– Не помог ли вам оборотень? – обратился к Фелиции мистер Сэквил, когда она выразила свое ничем не прикрытое разочарование. – Ну, хорошо, ликантропия – это не более чем французско-канадская легенда, переведенная на греческий язык.

– Но Мериленд так далек от Канады, мистер Сэквил, – посетовала девушка, – что после ваших слов мои познания о ликантропии отнюдь не стали обширнее.

– В таком случае я вынужден вновь овладеть вашим вниманием. Но, боюсь, вашему дяде не понравится эта тема, составляющая лишь часть моего давнего страстного увлечения, которое уже порядком надоело ему, да и, вероятно, не доставит удовольствия доброму джентльмену из Оверни.

В этот момент я взглянул на мосье де Сен-Лаупа и мне показалось, что для человека, рассчитывающего быть в центре внимания, он проявил необычайный интерес к словам мистера Сэквила.

– Ликантропия в современном толковании означает лишь одну из форм умопомешательства, – продолжал тем временем пастор. – Несчастный ощущает себя волком и, если его не

изолировать от общества, ведет себя соответственно. Но во времена Жилия де Лавалья, сэра де Реца, и в последующие века, когда верили в колдовство и магию, ликантропия означала трансформацию человека, его наружности и сути, в волка. Этой способности можно было достичь, продав душу дьяволу, что и случалось довольно часто. Но ликантропия могла передаваться и как заразная болезнь. Покусанный оборотнем, а это самое обычное имя этого чудовища, также становился им. Я мог бы рассказать вам несколько ужасных историй на эту тему...

– Пощадите нас, дорогой сэр. – Мосье де Сен-Лауп вскочил со стула и, улыбаясь, протянул моему дяде руку на прощание. – Если вы продолжите, то напомните мне мое детство, которое подобные легенды сделали ужасным.

И он со всей экспансивностью, какую только можно было ожидать от темпераментного француза, обрушил на дядю поток благодарностей за гостеприимство и пожелания доброй ночи. В том, как он поцеловал руку Фелиции, была, конечно, доля изысканного щегольства, но этим поцелуем он выразил значительно больше, чем дань простой вежливости; я это почувствовал по той страсти, с которой он сжал свои губы и по внезапному, быстрому взлету ее золотистых бровей и по румянцу, залившему ее от груди до корней волос; я закрипел зубами от досады на ту готовность, с какой мой дядя высказал надежду вновь в часы досуга увидеть француза в своем доме до его отъезда в Нью-Йорк.

– А пока я пойду, – мосье де Сен-Лауп обернулся в дверях: вся его прежняя задумчивость исчезла, и в быстром взгляде, который он метнул на Фелицию, вновь сверкнула дерзость. – Я припоминаю, у вас, англичан, есть пословица: «Люби мою собаку, люби меня», не так ли?

– Не совсем точно, – улыбнулась девушка. – «Любишь меня, люби и мою собаку».

– Тогда я напомню вам о другом, – возразил он. – Правило ни на что не годится, если его нельзя трактовать двояко. – И даже после того, как дверь за ним закрылась, в моих ушах продолжало звучать радостное рычание его голоса.

– А теперь я прошу вас рассказать нам одну из тех историй, которые он так боялся услышать, – нетерпеливо воскликнула девушка.

– Как-нибудь в следующий раз, мое дорогое дитя. – Пастор поднялся со стула и, прощаясь, взял ее руку в свои. – Уже поздно, а я должен начать завтрашнюю воскресную проповедь прежде, чем я лягу в постель. Я буду проповедовать по пророку Иеремии, его шестой стих пятой главы: «Волк вечерами убивает их».

Но Фелиция, провожая пастора до двери, продолжала задавать ему вопросы, испуганная, словно малое дитя. Действительно ли люди могли превращаться в волков? Как им удавалось это делать? Пастор отвечал, что это можно сделать, вывернув кожу наизнанку; что римляне называли оборотней «версипеллис», меняющий кожу; но не было ни одной записи очевидца, подтверждающей, что человек собственными глазами видел такое превращение. Когда оборотень принимал человеческое обличье, то предполагали, что волчья шерсть оказывалась скрытой под кожей, и потому часто с бедняг, обвиненных в ликантропии, палачи, в попытке доказать это, живьем срывали кожу.

– И много было таких существ? Я имею в виду, веривших в то, что они оборотни?

– В местах, где водились волки, в каждой деревне вера в них была всеобщей. Мы говорили о сэре де Реце. Он был признан виновным в том, что пил кровь малолетних детей. Это произошло в 1440 году. В XVII веке одна венгерская графиня имела обыкновение подвергать жестоким пыткам молоденьких девушек, а затем купаться в их крови. Оборотни, казалось, особенно любили прекрасных молодых девушек. А теперь доброй ночи, дети мои. Я слишком много говорил. Вас обоих замучают ночные кошмары, – встряхнув своими белоснежными локонами, улыбнулся он. Как только пастор закончил говорить, мы вдвоем проводили его в холл, Фелиция помогла ему надеть его старинного покроя кавалерийский плащ и подала трость черного дерева с серебряным наконечником. Пастор поклонился девушке с любезной церемонностью.

– Какой очаровательный старик! И какой восхитительный вечер! – раскрасневшись от удовольствия, воскликнула она. – Кто мог ожидать, что в небольшом уединенном городке, подобном этому, могут найтись два таких интересных, своеобразных человека?

– Ваше замечание особенно применимо к низенькому пухлому Сен-Лаупу, – уподобясь неотесанному деревенскому ревнивцу, ответил я. – Я заметил, что ему потребовалось совсем немного усилий, чтобы изменить ваше мнение, сложившееся о нем вчера.

– Но, Роберт, сегодня вечером он был совсем другим человеком!

– Вы быстро заметили это различие.

– Но, во-первых, он был дядиным гостем, я должна была по меньшей мере быть вежливой с ним. И почти сразу же увидела, что мое первое впечатление было ошибочным. Никто не мог бы быть более джентльменом, чем он, то есть...

– То есть поцеловать вашу руку с таким доводящим до озноба почтением, – презрительно усмехнулся я, подстегивая свой гнев воспоминанием об этой сцене. Но на эту тираду Фелиция ответила чистым и открытым смехом.

– Роберт, что из того? Он настолько стар, что годится мне в отцы. И не говорите мне, что собираетесь стать ревнивцем – вы, мой кузен!

– Ревнивцем?! – воскликнул я; а затем я сказал и сделал то, что глупцы, так похожие на меня, с густой черной шевелюрой и голубыми глазами, с атлетической фигурой и настолько крепкими и сильными мускулами, что им редко когда приходится напрягаться даже в половину своей мощи, говорят и делают очень часто: я повел себя как самый последний идиот. Ибо чувство, вызванное ее очарованием, пронзило меня словно молния. – Я вам не кузен. Я только племянник вашего дяди. И я благодарен Богу за это, потому что люблю вас, Фелиция. А тот негодяй знатен – он граф, если еще сохранил свои права на этот титул – талантлив и богат, в то время как я всего лишь бедный неотесанный провинциал, не имеющий на своем счету и тысячи долларов...

Но прежде, чем эта фраза была произнесена мной до конца, гибкое тело девушки оказалось в моих тесных объятиях, и слова вырывались из моей груди между поцелуями, которыми я терзал ее сладкие губы, пылающие щеки и благоухающие неповторимым ароматом волосы.

– В самом худшем случае, – она задыхалась, вырываясь из моих рук, – в самом худшем случае, даже вы не сможете представить себе, чтобы он посмел обращаться со мной подобным образом. Я могу только радоваться сделанному напоминанию, что вы не мой кузен.

Наверное, можно было сосчитать до 10, пока мы стояли друг против друга, если бы я только посмел сказать «стоял напротив нее», когда, отброшенный ее последним решительным толчком, неуклюже навалился на стенку. Веселая обаятельная девушка на моих глазах превратилась в разгневанную молодую женщину, чьи пальцы с трепетом приводили в порядок испорченную прическу, а глаза потемнели от гнева, вызванного моим возмутительным поступком и – что было гораздо хуже для меня – разочарованием в человеке, принятом ею за друга. Но вдруг на улице раздались быстрые шаги, направляющиеся по дорожке к парадной двери дома; она распахнулась и на пороге возник пастор; его голова была непокрыта, плащ разорван в клочья, а часть палки, которую он судорожно сжимал в своей руке, расщеплены по всей своей длине; пастор ввалился в холл, захлопнул за собой дверь и без сил привалился к косяку.

– Волк, – прохрипел он с трудом, и его голос донес до нас глухие удары могучих когтистых лап по вымощенной кирпичом дорожке сада. Прочная ткань плаща пастора была разорвана сильным ударом бросившегося на него зверя.

Мистер Сэквил наклонил свою голову к замочной скважине, прислушался, и на его раскрасневшемся лице появилась улыбка, за которой, как за маской, он попытался скрыть пережитый им ужас.

– Зверь, ожидая меня, лежал в засаде за кустарником в моем собственном саду. Можно подумать, эта тварь знала, что меня нет в доме.

Если бы я закрыл калитку за собой и ступил на дорожку, ведущую к дому, волк, несомненно, вышел бы победителем в этой схватке. К счастью, мне удалось захлопнуть ее перед самым носом зверя и выбежать на улицу. Я помню, челюсти хищника клацнули в дюйме от моих пяток. Но калитка, когда волк налетел на нее, оставила на нем, я полагаю, видимые отметины, а мне дала тот выигрыш во времени, в котором я так нуждался. – Он сделал паузу и улыбнулся. – Не думаю, что когда я был молодым и учился в Королевском колледже, я бегал хоть сколько-нибудь быстрее. Роберт, как вы думаете, не одолжит ли мне ваш дядя один из своих двухствольных пистолетов, с которым я постараюсь сделать вторую попытку попасть к моему домашнему очагу?

– Я пойду с вами, – предложил я пастору свою помощь, очень довольный возможностью вырваться из положения, в котором я испытывал к себе глубочайшее отвращение, делающее невозможным какое-либо оправдание моему постыдному поступку.

– Тогда и вы должны быть вооружены, – с трогательной заботой произнесла Фелиция, которой я послал взгляд, полный признательности и изумления.

– Кузен, – добавила она надменно.

Глава V. Исчезнувший зеленый редингот

Мой дядя, привлеченный хлопаньем двери и смехом пастора, наконец появился в холле и сразу же запретил мне такое несложное дело, как прогулка с мистером Сэквилем до его дома – даже если бы мы оба были вооружены.

Как один из членов городского совета, он полагал, что новое появление на улицах городка свирепствующего зверя станет позором для администрации, в которой он состоял. Было назначено вознаграждение в 25 долларов за шкуру этой твари. И охотники весь день рыскали по окрестностям, но безуспешно. Посты наблюдения были удвоены – по секрету говорили, что это было сделано потому, что каждый третий полицейский категорически отказался идти на ночное дежурство в одиночку.

Было похоже, что мой дядя хорошо знал, чем эти мошенники занимались в этот вечер. Он кипел от злости, обещая, что когда застанет их пьянствующими или уклоняющимися от своих обязанностей, то непременно отберет у них алебарды и фонари, а нас с Барри, как своих заместителей, приведенных к присяге, назначит караулить на тех постах, где это случится. Дядя снял со стены старинный мушкет, хорошо послуживший ему в молодости в сражениях у Тикондеги и под Аберкрамби, поставил в него новый кремль, заложил заряд пороха и забил в дуло пулю. Барри принес фонарь и охотничье ружье.

Я встретился взглядом с глазами Фелиции, сияющими от возбуждения, и удивился, что девушка, оставаясь дома одна, не выказывает и тени беспокойства. Впрочем, на лестнице за ее спиной я заметил Уэшти, ее горничную-гаитянку. Стоявшая неподвижно, она выглядела похожей на какого-то тайного и могущественного повелителя духов, чьи черные лицо и одежды оживляли только белки глаз и белоснежный тюрбан.

Барри снял с двери засов; мой дядя, держа мушкет наготове, вышел впереди нас; и сразу же перед нами оказался свежий волчий след. В том месте, где зверь ударился о дверь и, соскользнув по ней, распластался у порога, его когти на уровне человеческой груди процарапали толстый многолетний слой зеленой краски.

Вымощенный плитам двор, сверкающий в свете фонаря инеем, был запятнан следами огромных звериных лап. Отделенные друг от друга широкими промежутками, они указывали путь, проделанный убежавшим зверем; мы пошли по этим следам, оставленным размеренной волчьей рысью, которой чудовище умчалось вверх по Хай-стрит. Но там мы их потеряли на плотной, изборозженной колеями грунтовой дороге.

– Если бы только у нас был волкодав, мосье, – сокрушался мой дядя, – мы смогли бы по крайней мере узнать направление, в котором эта тварь ушла отсюда.

Даже сейчас меня начинает разбирать смех, когда я вспоминаю эти слова дяди и думаю о той роли, которую сыграл волкодав мосье в наших поисках этого таинственного монстра. Мне было трудно удержаться от хохота, и когда мы нашли обоих ночных караульных с их алебардами, фонарями и трещотками, укрывшимися под маленьким портиком городской ратуши.

Они находились в состоянии «заслуженного отдыха в промежутках между кругами ночного дозора», объяснил позднее Джек Данкад. Только они и новоприбывший французский джентльмен, прошедший неподалеку примерно час назад, находились в это время на улицах городка. И стражники не заметили даже кошки, не говоря уже о волке. Дядя холодно, не проронив ни единого слова, выслушал их, а затем приказал им следовать за нами. Мы продолжили патрулирование улиц городка, но так и не смогли обнаружить следов зверя. Даже собаки молчали, очевидно, из-за отсутствия запаха, оставляемого зверем на своих следах, хотя в такую морозную ночь они должны были почуять его издали.

Когда мы шли мимо кладбища, холодный северный ветер задул резко и порывисто, и обнаженные ветви вязов пронзительно застонали над нашими головами. Только звук наших

шагов гулко раздавался на пустынных ночных улочках городка, пока мы не столкнулись с мосье де Сен-Лаупом, спускающимся по улице, уходящей к дому старого Пита Армиджа, помахивающего, словно тростью для прогулок, вложенной в ножны шпагой и соразмеряющего свои шаги с тактом уходящих минут. Замечание мистера Сэквила о возможной встрече с искателями сокровищ старого Пита, объяснил нам француз, возбудила его любопытство, и он отправился в заброшенный сад с надеждой встретить кого-либо из них. Впрочем, в ночном саду все было тихо и спокойно. Когда дядя рассказал де Сен-Лаупу о спасении мистера Сэквила, жизнь которого сегодня ночью висела на волоске, француз кивнул головой, давая понять, что понял цель нашего ночного похода, и спокойно, как смелый и отважный мужчина, пожал плечами, пропуская мимо ушей весть о том, что и он недавно подвергся грозной опасности. Он не заметил следов присутствия преследуемого нами зверя, но с удовольствием готов поступить под дядино начало для продолжения поиска хищника.

Было уже почти утро, когда мы проводили француза и священника до дверей их домов, и с верхних ступеней своего крыльца я видел, как дядя и Барри, с трудом ступая, отправились к своим постелям. Мои ноги болели от усталости, но заснуть я не мог. Из темноты комнаты на меня пристально смотрели глаза оскорбленной моим поведением Фелиции, те глаза, какими я их запомнил в тот самый момент, когда пастор Сэквил ворвался с улицы в холл дядиного дома. Еще более ужасным было воспоминание о ее снисходительной иронической усмешке, с какой девушка выслушивала мои насмешки над ее благосклонным вниманием к французу, которого он был удостоен несколькими минутами перед этим. Весь тот день я говорил себе, что с радостью готов умереть за эту девушку, а на поверку моя любовь оказалась такой слабой, что не выдержала даже случайного испытания дружбой. И в тот момент я выглядел негодяем, или, хуже того, дураком. Пусть я был беден, но у меня был свой дом; моя работа давала мне средства держать слугу и одеваться настолько хорошо, насколько того требовало мое общественное положение; я мог рассчитывать на продвижение по службе настолько успешное, насколько я заслуживал того перед дядей; и Фелиция, завоюю я ее любовь, с радостью разделила бы со мной те небольшие житейские удобства, какие я смог бы ей предложить. В этом я был уверен. А я пренебрег этой возможностью и повел себя подобно отчаявшемуся изгою только потому, что девушка была учтива и любезна с гостем нашего дяди и сдержанно отнеслась к моему предложению позволить мне быть ее поклонником!

Конечно, я был убежден, что наши отношения с Фелицией погибли навсегда. Все кончено в двадцать два года! Но перед тем как забыться во сне, я нашел оправдание своему поражению в последнем аргументе сознания – в благородном самоотречении. Мой дядя знал не хуже меня, что Фелиция достойна стать женой мужчины самого высокого общественного положения. Следовательно, вправе ли был я становиться препятствием для ее брака с богатым человеком, знатность которого могла бы подарить ей то положение в свете, которого она достойна?

Поэтому, когда эсквайр Киллиан навестил меня утром следующего дня, я, заканчивая свой поздний завтрак, находился в отнюдь не самом гостеприимном состоянии духа. Янки до мозга костей, эсквайр пользовался среди жителей Нью-Дортрехта репутацией активного и пристрастного защитника прав первых поселенцев – немцев и англичан, – на которые посягал тот поток практичных, жестоких и энергичных авантюристов, которые хлынули в страну через Беркшир после французской революции и уже успели занять в ней господствующее положение благодаря своей куда большей активности и предприимчивости. Честность, ум и мягкий юмор эсквайра Киллиана привлекли к нему и сделали его друзьями моего дядю и пастора Сэквила; и естественно, что и остальные жители нашего городка последовали их примеру. Худой, аскетичный, до аффектации склонный к нравоучительности, он казался таким смешным и нелепым для тех, кто был слишком изощрен в житейских мелочах и в то же время достаточно невежествен, чтобы не понимать, насколько важны для успеха личных дел жителя небольшого городка услуги хорошего адвоката.

Поэтому с тех пор, как я вернулся из прерванного путешествия по Европе, его скучные и серьезные познания, претендующие на особую значимость, вызвали во мне легкое презрение. И я не предполагал, что эсквайр Киллиан догадывается об этих моих чувствах, пока не уловил острые и язвительные нотки в его голосе, когда он принес мне свои извинения за прерванный его появлением завтрак и вообще за то беспокойство, которое причиняет людям его деятельность провинциального адвоката.

Я был достаточно молод, чтобы, сделав это открытие, сохранить приличествующее случаю выражение лица, а также поспешить сделать то, что должен был сделать, то есть попросить Джуди Хоскинс принести еще один стул и подать горячих пирожков и свежего шоколада. Ко всему прочему я испытывал сильное любопытство, стремясь понять, в чьи дела я оказался замешан, если адвокат посещает меня в столь ранний час.

Эсквайр тем временем ел и пил, обмениваясь со мной короткими фразами, пока моя экономка не покинула комнату, оставив нас наедине с адвокатом. После этого, вытерев губы тыльной стороной костлявой руки, он сказал.

– Старый Армидж был вашим другом, не так ли? Я имею в виду, что если бы он мог позволить себе сказать, что имеет друзей, вы оказались бы единственным.

– Ну, если вы ставите вопрос таким образом, – согласился я.

– Мне ни разу не показалось, что он забыл ту маленькую услугу, которую вы оказали ему несколько лет назад. Вам не следует удивляться моим словам. Дело в том, что мне случилось быть свидетелем вашего поступка, и я никогда не забываю того, что видел.

– Если он и запомнил тот случай, то все равно никогда не упоминал о нем, – ответил я адвокату. – Но, по крайней мере, когда мы встречались с ним на улице, он всегда разговаривал со мной, и без тех проклятий и ругательств, которых всегда бывало предостаточно, когда он общался с другими, – улыбаясь, ответил я.

– Говорил ли он вам когда-нибудь о своем завещании?

– При мне он ни разу не упоминал ни о чем подобном.

– Вы не слышали о его завещании?

– Нет. И небеса тому свидетели. Оставил ли он после себя какие-либо завещательные распоряжения? Я думаю, что скупцы и скряги не делают ничего подобного, ибо им глубоко чужда мысль проявить при жизни заботу о людях, которые после их смерти станут владельцами их денег.

– Старый Армидж никогда не обещал вам чего-либо, что вы получите после его смерти?

– Бог мой, эсквайр, – воскликнул я, до некоторой степени уязвленный формой беседы, скорее напоминающей судебный допрос, – если бы он обещал мне что-нибудь стоящее, неужели вы думаете, что при моем материальном положении я бы стал ждать, пока вы зайдете ко мне и сообщите об этом?

– Ваше материальное положение отнюдь не кажется мне таким уж безнадежным, – возразил адвокат, откровенно ироничным взглядом окидывая стены моей комнаты, облицованные старыми потертыми панелями.

– Во всяком случае, дядя и я никогда не верили, что Армидж обладает состоянием, превышающим несколько сотен долларов, – продолжал я с выражением превосходства, рассчитывая отплатить этим эсквайру за его сарказм. – Хотя в таком городишке, как наш, старик, похожий на Пита Армиджа и ведущий такой же образ жизни, как и он, несомненно рано или поздно приобретает репутацию человека, скопившего несметные богатства.

Он поджал свои губы.

– В самом деле? – И редкие седые волосы на подбородке адвоката, не брившегося с утра предшествующего дня, ошетинились. – Самый что ни на есть пошлый и глупый слух бывает порой очень желателен – когда он выгоден для кого-либо. И если бы вы были правы, то действительно ничего не получили бы после смерти старого Пита. Но так уж случилось, что Пит

Армидж умер, оставив после себя наследство, если я не ошибаюсь, примерно в 100 тысяч долларов, и потому я не погрешу против канонов профессиональной этики, сообщив вам эти сведения, так как верю, что по его завещанию вы являетесь единственным наследником состояния покойного скряги.

– Он к тому же оставил еще и завещание? – как последний идиот, воскликнул я. Но я был так поражен словами адвоката, что еще удивительнее было то, что в этой ситуации я вообще оказался способен произнести хоть что-то.

– Да, и остается только выяснить, что он с ним сделал. Весь вопрос в том, где оно. Куда старый Пит Армидж положил свое завещание?

– Вы хотите сказать, что не знаете, где лежит завещание? Вы хотите сказать, что его нет ни в одном из ваших сейфов? Но тогда откуда вы знаете...

– Я узнал об этом в прошлом году вскоре после вашего возвращения, примерно в то время, когда стало достоверно известно о разорении вашего отца. Вот откуда я знаю об этом деле.

– И старый Пит назвал меня своим наследником?

– Нет. Он никого не назначил, но мы оставили место в завещании для имени наследника, которое он должен был вписать сам.

И адвокат, чье морщинистое лицо напоминало съездившийся маринованный овощ, словно воочию увидев мои взметнувшиеся ввысь надежды, усмехнулся так, что-я вскипел от гнева.

– Боюсь, что должен просить вас извинить меня, эсквайр Киллиан, – холодно произнес я. – Через несколько минут я должен приступить к исполнению своих обязанностей в конторе моего дяди.

– А я и не задержу вас дольше, чем на несколько минут, – ответил адвокат с такой серьезностью, словно мгновениями ранее он и не думал забавиться на мой счет. – Дело в том, что старый Армидж оставил пробел на листе, но затем зашел за высокую конторку клерка, где никто не мог увидеть написанного им, и уже там внес имя наследника. Затем он загнул эту часть завещания вниз и вернулся с ним к моему столу, и уже здесь оно было оформлено до конца, а мы вместе с моим клерком, старым Сэмми Роджерсом, подписали его в качестве свидетелей.

– Все менее и менее я вижу себя участником этого дела, – начал я, но адвокат прервал меня с какой-то угрюмой веселостью, если позволительно так назвать его манеру держать себя.

– Вам придется это сделать, мой юный друг, и немедленно, так как у меня нет других желающих расточать свое время подобным образом, кроме вас. Тем более что вы располагаете самыми превосходными основаниями принять участие в этом деле. Во-первых, старый Пит обсуждал со мной свое завещание на протяжении нескольких лет; и хотя он никогда не говорил мне, кого именно он собирается назначить своим наследником, очень редко он обходился без упоминания вашего имени либо в начале, либо в конце разговора.

– Но то, что я сделал для него, было столь незначительно, – возразил я.

– Пит Армидж ни разу не упоминал о том случае, – немедленно осадил меня адвокат. – В большинстве же случаев он говорил о вас, что вы производите впечатление степенного молодого человека, который будет хранить и преумножать то, чем он владеет, в отличие от тех, кто пустит деньги на пьянство и разврат и не успокоится до тех пор, пока не растратит всего. Я высказал вам те свои соображения, которые он мог принять в расчет, выбирая наследника для своих богатств, удовлетворяющего его требованиям и в чем-то похожего на него самого.

– Избави Боже! – воскликнул я, так что на морщинистом лице адвоката вновь появилась хитрая усмешка.

– Но и это еще не все, – продолжал он. – Старик не был таким мудрецом, каковым он себя считал. Когда он вписывал то имя, случилось так, что он положил завещание на клочок бумаги, лежащий на конторке клерка. И пользовался Пит Армидж при этом обычной ручкой со

стальным пером, – он еще сказал, что они изнашиваются слишком быстро, – и написанное им имя отпечаталось на том самом клочке бумаги, на который старик неосторожно положил свое завещание. Роджерс позднее нашел этот клочок на своей конторке. Ускользнувшая маленькая тайна напустила важности на моего невысокого смуглого клерка. А имя, мистер Роберт Фарриер, которое он прочитал, было вашим.

В тот же миг мои надежды вновь взмыли к небу, поддерживаемые всеми аргументами здравого рассудка. Я с трудом слушал адвоката, улавливая из его слов лишь отдельные не связанные друг с другом фразы: 100 тысяч долларов – результат удачных спекуляций на протяжении всей жизни – закладные на недвижимое имущество, главным образом в Филадельфии и Бостоне, но все же достаточно далеко отсюда, чтобы об этом не прослышали сборщики налогов – никаких денег ни в банках, ни в адвокатских сейфах, за исключением одного или двух случаев за все время – когда составлялось само завещание – и с этими словами мои надежды, словно подстреленная утка, камнем понеслись вниз. Не принимая во внимание доводы адвоката, отвергая предлагаемый им надежный опечатанный сейф, старый Пит настоял на том, чтобы завещание хранилось лично у него.

– Когда оно вам понадобится, вы легко найдете его, – упрямо твердил старик на все попытки эсквайра Киллиана убедить его в том, что при таком способе хранения документ может быть потерян. – Где бы я ни находился, завещание никогда не окажется вне пределов досягаемости моих рук, ни днем, ни ночью.

– Пожалуй, старик намекал на карман своего старого зеленого пальто, – рискнул предположить я. – Его ни разу не видели без этой одежды.

– Для этой цели больше годится подкладка, – согласился Киллиан. – Но где сейчас находится это пальто? Доводилось ли вам видеть его или что-либо слышать о нем после смерти старика?

– Оно должно быть в доме, – сказал я.

– Мои самые тщательные поиски этой вещи потерпели неудачу. Следовательно не знает, где оно, да и не интересуется этим.

– Днем накануне убийства старик был одет в это пальто. Я помню это совершенно отчетливо.

– Нашли ли вы хоть что-нибудь из той одежды, в которую он был одет в тот роковой для себя день? – Я высказал эту внезапно посетившую меня мысль и добавил, что накануне вечером пастор уже поднимал этот вопрос об одежде Пита Армиджа.

– И священник тоже задумался над этим обстоятельством, да? – угрюмо прокомментировал адвокат. – Впрочем, я нашел всю остальную одежду там, где старый Пит ее оставил – на сломанном стуле рядом с кроватью, но не заметил даже нитки от пальто, хотя в том полуденном полумраке осмотрел все и под кроватью и над ней.

– Я допускаю, что старик мог накинуть пальто на себя поверх ночной рубашки, и кто-нибудь мог украсть его с мертвого тела, прежде чем на место убийства прибыли следователь и полицейские.

– Непохоже на то. Я оказался в том саду не позднее любого другого, и вокруг трупа было так много крови, что никто не смог бы снять с него пальто, не оставив при этом своих следов.

Конечно, любой, кто знал о завещании, имел основания уничтожить его и, как вы или я, догадывался о том, где старый Пит прячет этот документ, до приезда следователя мог незаметно подкрасться и украсть пальто прямо со стула. – Но аналитический ум адвоката тут же не оставил камня на камне от этой тщательно разработанной гипотезы. – Если бы существовал хоть какой-нибудь способ, с помощью которого Роджерсу удалось бы извлечь пользу из такого поступка, мы могли бы заподозрить его ввиду отсутствия другой кандидатуры. Но это невозможно, – заключил Киллиан. – Даже нищий бродяга не прикоснулся бы к пальто, если

бы увидел растерзанный труп на ступенях крыльца – даже если бы проходил мимо и имел возможность зайти в дом. И никто другой не захотел бы войти в то утро в тот дом.

Глава VI. Тень старого Пита

– Кто окажется в выгоде, если завещание не найдется? – спросил я после некоторого молчания Киллиана, который дал мне возможность минуту или две поломать себе голову над этим вопросом. Эсквайр пожал плечами.

– Никто. Все получит штат. А старик ненавидел государство – задолго до нашего знакомства у него были с властями некоторые хлопоты, связанные с ростовщичеством. И я подозреваю, что это и была та самая причина, которая побудила его сделать завещание. Ведь он уверял меня, что у него нет и тени родственных связей.

– В таком случае, вряд ли найдется человек, у которого были бы основания уничтожить завещание?

– Да. Тем более что нет ни одного смертного, кто бы знал об этом завещании, за исключением, конечно, старого Сэмми и меня. Я готов поклясться в этом под присягой.

– Но кто-то ведь мог предположить, что в пальто хранятся бумаги, которые могут дать ключ к разгадке тайны спрятанных стариком сокровищ – кто-то, кто проскользнул в дом, пока рабочий, первым обнаруживший убитого, отправился за полицейскими. Где все-таки могут находиться деньги, я имею в виду, их большая часть?

Своеобразным жестом, так не согласующимся с его аскетической внешностью, адвокат вскинул вверх свои костлявые руки.

– Если бы я только знал! Но за исключением тех нескольких сотен долларов, внесенных по закладной 3 дня назад и хранящихся в моем сейфе, я знаю не больше вас о местонахождении остальных денег старого Пита Армиджа.

– За исключением, я полагаю, закладных на недвижимость и им подобных ценных бумаг, – полный надежд, добавил я.

– Увы, закладных уже нет, нет ни одной. За последние 2 года старый Пит перевел все ценные бумаги в деньги – в твердую наличность, вы понимаете? За ним нет ни банковских кредитов, ни векселей. Мы живем в скверные времена, в очень скверные времена, говорил он, когда доллар в золоте или серебре скоро станет равен десяти долларам на банковском счету. И, видит Бог, события развиваются таким образом, что, мне кажется, старик был прав. Теперь я знаю, почему он предпочитал потерять тридцать процентов своих средств от закладных, но перевести их в твердую монету.

– Вы хотите сказать, что реальные 98 тысяч долларов в золоте и серебре лежат сейчас где-то неподалеку от его дома? – спросил я, с трудом подавляя в себе искушение схватить свою шляпу и напрямик помчаться на Холм Повешенных.

– Именно, – усмехнулся эсквайр. – Я знаю, что за последние два года я выплатил ему такую сумму, что если в темную ночь выложить все эти деньги на стол, они покроют его вдоль и поперек – и ни одна из этих монет не прошла обратно через мои руки.

– Но в таком случае, – раздосадованный мрачным предчувствием, воскликнул я, – что может помешать кому-либо найти эти деньги и похитить их?

– Прежде всего, деньги, должно быть, достаточно хорошо упрятаны, иначе я бы нашел их еще вчера. К тому же, учитываете ли вы вес и объем такой суммы в звонкой монете? Если бы она вся состояла из одних золотых гиней, их было бы около двадцати тысяч штук. Но большое количество монет было из серебра, а золотые монеты были самые разные: фридрихсдоры – прусские пистолы, луидоры, паризидоры – французские монеты из чистого золота, отчеканенные Филиппом Валуа, бизанты – золотые монеты из Византии, мохуры – старинные монеты из Индии; эти монеты не видели дневного света с тех самых пор, как представители некоторых наших знатных фамилий стали молчаливыми компаньонами мадагаскарских пиратов.

– Но у человека была целая ночь, чтобы проникнуть туда, – начал я.

– Ну, ну – прервал он нетерпеливо. – Ни у кого, кроме меня и нового арендатора – француза – нет ключа от дома Пита Армиджа; и вообще это место никто пока не посещал. Чтобы удостовериться в этом, я побывал там рано утром.

Позабыв от волнения о правилах учтивости, я живо вскочил на ноги.

– Мне бы хотелось отправиться туда сейчас же, – воскликнул я. – Поиски могут быть долгими; а когда мосье де Сен-Лауп вступит во владение недвижимостью, он, вероятно, тотчас же отправится со мной к дому Пита Армиджа?

– С какой целью? – спросил эсквайр с раздражающей невозмутимостью.

– С целью помешать субъектам, покушающимся на деньги, найти их и похитить, – с горячностью ответил я.

– У них ничего не получится. Если бы кто-то смог найти сокровища старого Пита, то это уже сделал бы я, когда искал его зеленое пальто.

Я даже обнаружил при этом два его тайника, но, увы, оба они были пусты.

– Пусты?

– Да, пустые. И, судя по пыли на их стенках, тайниками не пользовались неделями. Я, кстати, оставил их открытыми, чтобы какой-нибудь случайный бродяга увидел их и решил, что пришел слишком поздно.

– Вы не думаете, в таком случае...

– Нет. Я глубоко уверен, что деньги все еще находятся где-то в доме или рядом с ним и спрятаны так хорошо, что нам не следует опасаться, как бы дурные люди не отыскивали их первыми.

– Но в таком случае... – и я двинулся по направлению к двери.

– Вы хотите помчаться прямо к дому Пита Армиджа? Но сейчас вы не можете этого сделать. Пока завещание старика не найдено, помните, что вы имеете в этом деле прав не больше, чем кто-либо другой. Найдите мне завещание, найдите мне то старое зеленое пальто, и я держу пари, что вы сможете после этого поступать так, как вам будет угодно. Но, мой мальчик, – мягко продолжил адвокат, – если мы найдем деньги сейчас, я, вероятно, буду вынужден передать их государству, и тогда, даже если позднее завещание внезапно и найдется, то я не думаю, что вам удастся, даже по суду, получить назад свое наследство после того, как власть наложит на него свои руки. Не так ли?

Вскоре после этого эсквайр собрался уходить, и я сопровождал его до конторы моего дяди, подвергаемый танталовым мукам как никто другой в это утро в Америке. Я сразу начал строить планы поисков злополучного зеленого редингота. Они обещали быть сложными. Если кто-то, живущий по соседству, взял редингот, то эта одежда слишком хорошо известна, чтобы не быть узанной, а потому этот человек вряд ли рискнет надеть его, даже если у него и нет другого пальто. Когда же он обнаружит, что карманы похищенного им редингота не содержат ничего полезного, он либо спрячет его, либо зароет в землю или сожжет.

При мысли о единственном доказательстве моего права на наследство, уничтоженном таким образом, мое тело, несмотря на холод морозного утра, покрылось липкой испариной. Но у меня не было иной альтернативы. Если у вора окажется больше смелости, чем предполагал адвокат, он может продать пальто в любом другом городе вверх или вниз по реке, или сохранить его, чтобы носить самому, как только он окажется достаточно далеко от этих мест, чтобы чувствовать себя в безопасности от риска быть пойманным с поличным. В этом случае он, вероятно, с каждой минутой удаляется от меня все дальше и дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.